

ШАМИЛЬ
ИДИЯТУЛЛИН

ВСЁ КАК У ЛЮДЕЙ

Это просто
фантастика

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Другая реальность

Шамиль Идиатуллин

Всё как у людей

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Идиатуллин Ш. Ш.

Всё как у людей / Ш. Ш. Идиатуллин — «Издательство АСТ»,
2022 — (Другая реальность)

ISBN 978-5-17-136417-5

Шамиль Идиатуллин – писатель и журналист, дважды лауреат премии «Большая книга» («Город Брежнев», «Бывшая Ленина»), автор мистических триллеров «Убыр» и «Последнее время». В его новой книге собраны захватывающие истории, где фантастическая фабула сочетается с отчаянным психологизмом. Здесь маленький человек мал, а древнее зло огромно, родительская любовь уверенно ведет к чудовищным жертвам, город детства исчезает с гугловских карт, деды общаются с далекими внуками через ИИ-переводчиков, а путь к бессмертию вымощен трупами – словом, всё как у людей. Это просто фантастика, считает автор. Вас это утешает? Внимание! Содержит ненормативную лексику!

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-136417-5

© Идиатуллин Ш. Ш., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

От автора	7
Светлая память	8
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Шамиль Шаукатович Идиатуллин

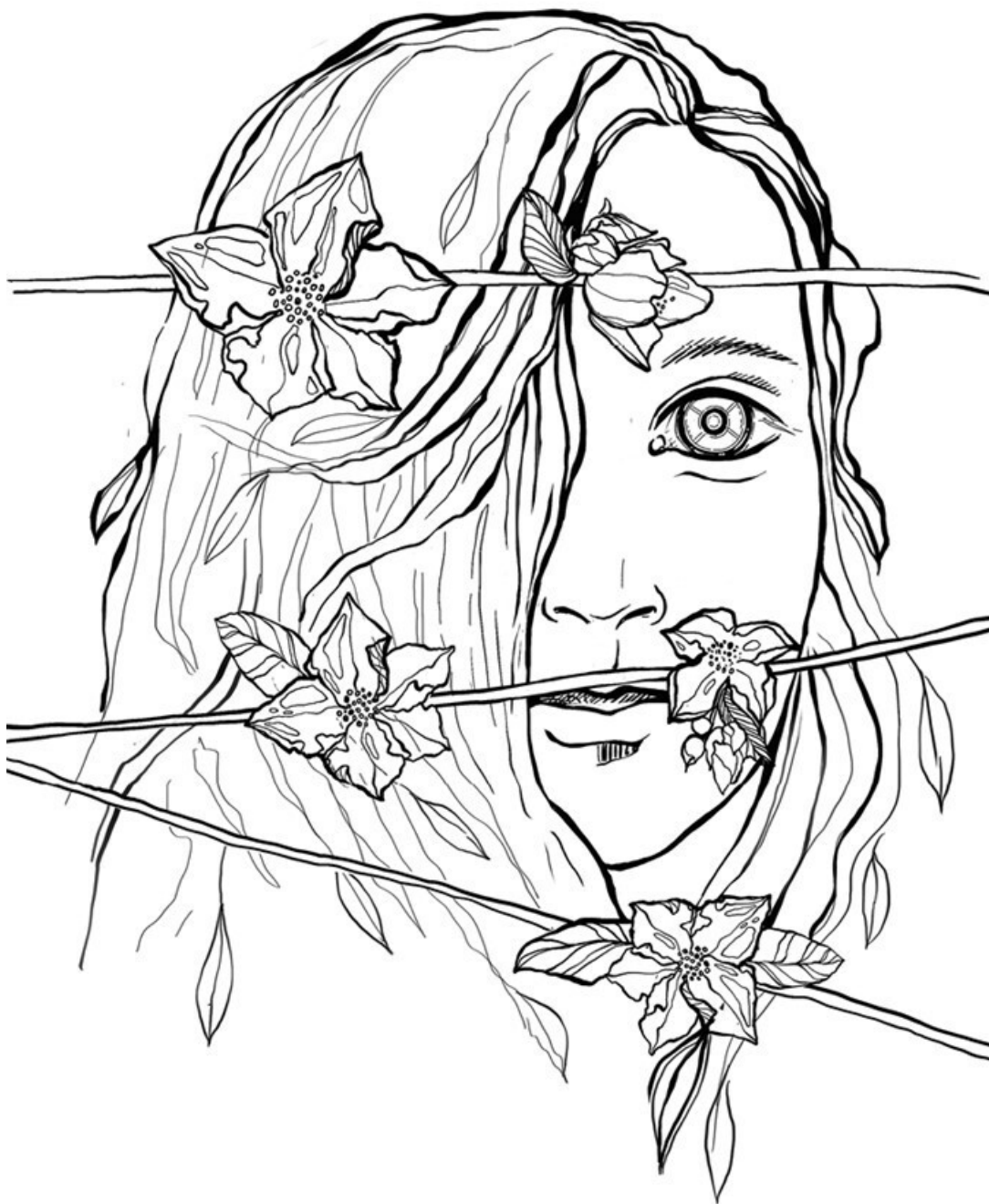
Всё как у людей

© Идиатуллин Ш.Ш.

© ООО «Издательство АСТ»

*Вот и всё, что было, —
Не было и нету.
Правильно и ясно.
Здорово и вечно.
Всё как у людей.*

ЕГОР ЛЕТОВ

От автора

Большинство представленных в книге текстов появилось в ответ на просьбы, подначивания и попытки взять «на слабо». Обычно на предложение написать что-нибудь для кого-нибудь я реагирую вежливым отказом, прикрывающим панику и агрессивную лень. Но иногда предложение цепляется за давнее печальное размышление: «Вот из этого мог бы получиться неплохой рассказ, кабы я писал рассказы», – и я, поспыхнув, сажусь за текст.

За пару десятилетий я написал девять романов, подростковую повесть, детский рассказ и вот эту книжку.

Это. Просто. Фантастика.

Светлая память

Повесть из сценарной заявки, или «Кина не будет»

Глава первая

Бизнес-центр «Галактика»

– Часики-то тикают, – сказали над ухом.

Женя вздрогнула и свирепо развернулась на голос.

Справа никого не было. И слева тоже. Даже часиков не было – и тиканье умолкло. Не тиканье, вернее, а попискивание: на светофоре через дорогу растопырился красный человечек. Значит, такой же растопырился и на светофоре рядом с Женей, а зеленый шагал-шагал, да и ушагал, не дождавшись, пока Женя освободится от неуместных раздумий и тронется в ногу с ним.

Может, зеленый человечек напоследок и брякнул про часики, подумала Женя на откатывающейся волне злости. Весьма удивительной. Фраза про часики была дурацкой и затасканной не столько даже назидательными крестинами, сколько пародирующими крестининов мемами. Женю она никогда особо не трогала. А сейчас тронула почти до ожога. С чего бы это. Видимо, просто в такт мыслям попала. Тик в тик.

Женя попыталась вспомнить, о чем думала, замерев вдруг перед «зеброй» в двадцати шагах от офиса, где ее, наверное, уже ждут, но не вспомнила. Опять отвлек зеленый человечек. Он вспыхнул на стоящем за зеброй светофоре. Над ухом оглушительно пискнуло. И второй раз, и третий.

Вспомнишь тут что-нибудь, пожалуй, отметила Женя и ступила на зебру. Вот я ступила, подумала она, усмехнувшись, и поправила термосумку. Ступила так ступила.

Она сделала второй и третий шаг по зебре в ногу с плачущим зеленым человечком на светофоре, а на четвертом застыла. Потому что плаканье вдруг смолкло, без ускорения и любого предупреждения иного рода, и зеленый человечек исчез, а окошко над ним заняла растопыренная красная фигурка.

Женя растопырилась, наверное, сходным образом, обалдело подумав: «Тикают и не тикают», – но вслух брякнула другое:

– Не понял.

Справа возмущенно рыкнули машины: на их улице праздник, весь зеленый и манящий, а тетка мешает.

Потёрпите.

Женя снова поправила легкую, но норовящую сползти с плеча термосумку, поддержала маску и двинулась дальше – решительно, но не суетливо. Она встала на «зебру», значит, должна завершить маневр, проблемы электронного человечка – не ее проблемы, как и проблемы ожидавших машин. Подождут еще секунду. Все равно только собирались тронуться, секунда ничего не...

Женя застыла, холодея, и этот холод обдал жаром и выхлопной вонью огромный грузовик, пролетевший перед самым носом, перед коленом, едва не чиркнувший по костяшкам пальцев вынесенной на взмахе руки и чуть не забравший эту руку вместе со спицей, сидевшей там со времен детского перелома со смещением, чуть не сбивший Женю, чуть не размочаливший все ее тело с мгновенным хрустом и чавканьем, которое никто не успел бы услышать. Разве что сама Женя.

На дороге загудели и, кажется, заорали – не справа, а, как ни странно, сзади. Женя с трудом повернула голову и обнаружила, что стоит уже на тротуаре рядом со светофором, снова растопырившись примерно как красный человечек. Мелькнувшего грузовика след простыл. Удаляются, поглядывая в зеркала, и водители, едва не ставшие очевидцами того, как тупую девку намотало на кардан, и поделом.

Других пешеходов у светофора, к счастью, не было, так что никакая бабка не получила замечательной возможности рассказать Жене, как плохо мама учила ту правилам дорожного движения.

– Мама, – беззвучно сказала Женя и, с трудом переставляя негибнущие ноги, направилась в «Галактику».

К стеклянным дверям бизнес-центра она подошла, слегка отдышавшись. Маска мокро липла к лицу, с затылка лилось, но сердце колотилось уже не трещоткой, а барабанной дробью, деревянность ушла из конечностей, мороз в животе сменился трясущимся теплом, а ужас начал вытесняться возмущением. В полицию бы на гада заявить, пока впрямь не сшиб кого, подумала Женя злобно. Жаль, не получится. Грузовик несся на огромной скорости, так что проскочил мгновенно. Женя даже цвета не разобрала, что говорить о марке и тем более номере.

Она, вздохнув, мазнула взглядом по нечеткому, но вроде обыкновенному и не сильно растрепанному отражению в стекле. Все как положено: рыхловата, невзрачна, благородной бледности не заметно, даже глаза над маской от страха не слишком выпучены.

Женя толкнула дверь в стылый кондиционированный воздух, в рабочее пространство, в рутину, в стандартную офисную жизнь, где все всегда крутится и мельтешит, оставаясь при этом незыблемо скучным.

Женя привычно подставила запястье под электронный градусник, привычно обтерла руки санитайзером, привычно кивнула охраннику – даже двум, рядом с Игорем стоял облаченный в такую же неуместно боевую форму пузатый парень, видимо, новенький, – привычно подставила термосумку под металлоискатель новенького, привычно повела пропуском перед турникетом, привычно прошла сквозь рамку, привычно поморщившись от ее вопля и заранее поднимая правую руку.

– Спица тут, – привычно напомнила она, и Игорь, не отрываясь от смартфона, привычно кивнул, останавливая новенького, метнувшегося было из-за конторки с металлоискателем наперевес. Новенький пожал плечами и опустил металлоискатель.

Женя смотрела на него не моргая.

Игорь наконец поднял глаза и равнодушно сказал:

– Иди-иди, нормально все.

– Синий, – сообщила Женя.

– В смысле?

Женя нехотя продолжила:

– КамАЗ пятьдесят четыре девяносто, седельный тягач без прицепа, дизель на двенадцать литров, выпуск прошлого, нет, позапрошлого года.

Женя замолчала и заморгала, озираясь. Игорь, откладывая смартфон, обменялся взглядом с новеньким и тронул его за плечо, чтобы тот выпустил из-за конторки.

Женя мотнула головой и объяснила:

– Чуть не сбил сейчас, прямо тут, на светофоре, представляешь? Люди идут, главное, а этот летит себе, на скорости. Семьдесят шесть и пять.

– А, – сказал Игорь, остановившись. – Как там кино было – «Счастливая, Женька!»? Тортик скушай сегодня.

Женя криво улыбнулась и пошла дальше. Игорь продолжил:

– А, это. Может, гайцам свистнуть? У меня есть знакомые. Номер запомнила?

– Какое там, – ответила Женя, приостановившись. – Он же ш-шух, перед носом, и... Е, один-один-один, вэ-а, регион наш.

Игорь взял с конторки смартфон.

– В смысле? Это номер?

Женя сморщилась, потерла лоб и растерянно сказала:

– Нет, не запомнила, как бы я смогла...

Женя махнула рукой и торопливо пошла к лестнице.

– Прикольная мадама, – сказал новенький. – Она всегда такая?

Игорь смотрел вслед Жене, покачивая смартфон в руке.

– Адын-адын, – сказал он. – Савсэм адын.

Офис был на восьмом, так что обычно Женя поднималась на лифте. На лестницу она сейчас выскочила неожиданно для себя, но не возвращаться же. Вскарабкалась, притомилась, запыхалась и долго не могла найти пропуск, который только что держала в руке. Нашелся пропуск в заднем кармане, куда Женя сроду ничего не клала.

С самого утра все шло не так, глупо и неожиданно.

Женя бликнула, открыла дверь и ввалилась в офис – в милую рутину, по которой, оказывается, можно соскучиться.

В офисе было прохладно, тихо и покойно. Основной народ еще не подтянулся, на местах только офис-менеджер Оля и начальник техотдела Никитин. Он, похоже, с работы не уходил вообще никогда. Может, чтобы такой вес лишний раз не таскать с места на место, а может, просто боялся, что обратно не пустят, отправят на пенсию. Шестьдесят пять плюс не шутки, тем более такой плюс, который в двух ладошках не удержишь. Вероятно, тем же объяснялась обходительность Никитина, временами просто пугающая. Во всяком случае, Женю, к которой Никитин относился как к новообращенной племяннице.

И сейчас он пылко отсалютовал Жене из дальнего угла, с трудом, кажется, сдержавшись, чтобы не кинуться навстречу. Женя осторожно отсалютовала в ответ, выложила веганский сэндвич на стол Оли и ненадолго замерла, ожидая, что та скажет «Брысь» или просто поведет плечом с таким выразительным недовольством, что придется отползать немедленно.

Оля плечом не повела и даже не подняла головы от экрана.

Зато заговорила. Уже успех.

– Блин, как они задолбали своими капчами.

– И тебе привет. Оль, не спорь с ботами, бесполезно. Даже если выиграешь, они не поймут и задолбают до смерти.

Оля недовольно покосилась на Женю, заставив ту грустно подумать о красоте и ее недосыгаемости, но – еще успех! – пояснила:

– Они всё, вообще всё перевели в онлайн: электронный дневник, домашку, списки чтения на лето. И каждый раз надо капчу вводить или, блин, головоломки угадывать. «Нажмите на фрагменты с деревьями». Я им детсадовка, что ли?

Женя удачно поперхнулась едва не выскочившей шуткой про вечную молодость и про то, что где деревья, там и сад, пусть даже детский. Успела сообразить, что на этом общение с Олей, скорее всего, завершится навсегда. Женя всмотрелась в экран и уважительно сказала:

– Как ты это разбираешь только.

Оля отвлеклась от набивания букв под неразборчивыми разводами и осведомилась, с подозрением глядя на Женю:

– Издеваешься?

Почему это, хотела сказать Женя, но тут сообразила, что за вопрос на самом деле мучает ее уже несколько секунд, и спросила:

– Слушай, а зачем тебе дневник? Аля уже в школу пойти успела?

– Какая Аля? – уточнила Оля, рыская курсором по открывшимся наконец спискам.

– Дочка же твоя, – терпеливо пояснила Женя. – Малютка ведь совсем, ей...

И замолкла под презрительным сверлящим взглядом: Оля теперь развернулась к ней всем богатым телом, откинулась на спинку кресла, колыхнув самыми богатыми фрагментами, какие у Жени если и будут, то возмутительно не там и не так, и пару долгих секунд смотрела в упор. Женя нерешительно улыбнулась.

Оля отчеканила:

– Вот где вас делают таких, а? У меня сын. Гошка. Ему девять, так что третий уже заканчивает. Иди уже, Евгения Родионовна, куда шла, пока...

Она резко замолчала, рывком повернулась к столу и вперилась в экран так, чтобы не видеть Женю и не слышать. Никогда, похоже.

Женя растерянно перебрала в голове несколько реплик: «Шутишь, что ли», «Прости, ерунду брякнула», «Я помню, конечно, что Гошка, просто...» – но так и не сообразила, что «просто», и так и не смогла ухватить сидящий на периферии сознания, но ускользающий, едва пробуешь на нем сосредоточиться, образ щекастой девочки в ярко-желтом платье. Если она не дочка Оли, то чья? И почему Женя ее помнит? И главное – зачем?

Женя потопталась, вздохнула, отошла к холодильнику, выгрузила остальные сэндвичи, супчики, фалафель и отдельно котлеты для Никитина, отлепила от кожи влажный ворот и область подмышек, незаметно обнюхавшись, и осмотрела офис. Пол был чистым везде, даже возле стола известного неряхи Кости. Правильно, Женя вчера протирала после того, как все ушли, а сегодня насорить еще не успели. Ну пусть успеют. А Женя пока займется основной работой, отложив дополнительные на потом.

Основная работа уже ждала на столе. И была она гораздо толще обычного.

Женя плюхнулась в кресло, оживила компьютер и уныло полистала сброшюрованные страницы, цепляясь взором за странноватые фигуры и цветные элементы, украсившие вдруг печатные листы, которым полагалось быть подвыцветшими из белоснежных. Радужное веселье не спасало и не уменьшало объемов задания.

Жене предстояло перевести в международный формат годовой отчет фирмы за девяносто девятый год. Насколько поняла Женя, в том году фирма выделилась из большой компании, которая немногим раньше сменила форму собственности. Разгонять эти данные по строкам и сводить по разделам, перепроверяя каждую сумму, каждую дату, каждый актив и каждую из привязок к трем уставам, предстояло дня полтора. Это если не обедать, не спать, не сходить с места и не разгибаться.

Кофе хоть возьму, подумала Женя, тормозя взглядом на всаженном наискось таблицы прямоугольнике насыщенно-синего цвета, даже с отливом, какой сияет на вымытой кабине летящего грузовика, когда отскочить и увернуться невозможно, можно только всмотреться, чтобы увидеть что-то скрытое в слое краски, в плоскости металла, в коробке кабины, в чужом разуме, сведенном к бездумному усилию, направленному на утопившую педаль газа ступню, увидеть то, в чем растворишься с бесконечным бесчувственным-м ударом-м-м.

Женя вздрогнула и очнулась.

Она сидела за своим столом с прямой спиной и непоникшей головой – судя по ноющим мышцам шеи и плеч, заснула столбиком, а проснулась от того, что башка наконец запрокинулась. Хорошо, не сыграла лбом в стол. И будем надеяться, что не всхрапнула.

Женя несколько раз попыталась слотнуть пересохшим ртом и, не шевелясь, поводила глазами, чтобы понять, не заметил ли кто ее отключения.

Вроде пронесло: офис был полон, но все занимались своими делами и в сторону Жени не смотрели. Только Никитин словно бы косился из своего угла – а нет, показалось. Ладно хоть так. Позору было бы, кабы заметили. И вспоминали бы постоянно, как тогда... Когда... Когда, блин? Что я вспоминала? Почему я ничего не могу вспомнить? Что со мной такое, а, подумала Женя беспомощно, пошевелила ногами, убеждаясь, что от неудобного сна они слегка затекли,

но не отнялись, раздраженно оттолкнула папку, которую теперь явно предстояло потрошить и вылизывать до утра, начала вставать, чтобы принести наконец себе кофе, а лучше три или сразу термос, который, будем надеяться, спасет от приступа неурочной спячки, – и замерла в неудобной позе.

Женя секунду повисела над креслом, явно очень смешно и некрасиво, плюхнулась обратно, нашарила, не отрывая глаз от экрана, мышку и принялась перелистывать заполненные электронные страницы.

Отчет был готовым, полным и – по крайней мере, на первый пристальный взгляд – корректным. Как будто кто-то спокойно и аккуратно трудился над ним положенные часы и дни, а потом прислал Женю, которая его приняла, импортировала в программу и сохранила – и все это не приходя в сознание. Или проделала массив операций раньше, а потом просто забыла. Ну дура. Ну молодая. Ну бывает.

Не-а, не бывает.

Так, совсем я себе мозги заспала, спохватилась Женя, открыла свойства файла, посмотрела время его сохранения, потом – время создания и число исправлений, откинулась на спинку кресла, выдохнув чуть ли не с рыданием.

Файл был создан с нуля полтора часа назад и финализирован после семидесяти пяти сейвов вот только что, три минуты прошло. Двухдневную работу кто-то выполнил за полтора часа, пока Женя дрыхла. Выполнил в ее компьютере и с ее рабочего места. А место было занято спящей Женей. То есть сама Женя ее и выполнила – эту двухдневную работу. За полтора часа. Не приходя в сознание.

Ой-ей.

И чего я, дура, просыпаюсь по утрам, спрашивается, подумала Женя обалдело и некоторое время пыталась, то влезая в настройки компа, то украдкой озираясь, понять, не стала ли жертвой розыгрыша, ради которого кто-то из внезапно разрезвившихся коллег заморочился с усыплением и дистанционным доступом к компу либо с отволакиванием от стола бессознательного тела, ни на что иное не годного.

Ни признаков такой шутки, ни смысла в ее безнадежно долгой и геморройной подготовке, тем более реализации, Женя не нашла. Она почесала голову, поразмышляла на различные темы, изумившие ее саму, и решила отложить поиски отгадки на потом. А пока – радоваться жизни и паре освободившихся дней.

«Альбина Николаевна, можно мне домой?» – пропищала Женя про себя невесть откуда всплывшую фразу. Отправляться либо просто уходить по принципу «Сделала – свободна» она не собиралась.

Домой не тянуло совсем. Радоваться жизни даже в офисе было гораздо проще.

Женя пошла радоваться.

Не получилось.

Кофе был странноватым – кислым и с неправильным запахом. Если приняться и вслушаться во вкус, странность исчезает, но пить и вдыхать неприятно. Женя даже покараулила с минутку у автомата, чтобы сверить впечатления с кем-нибудь из коллег. Но коллеги то ли уже успели распробовать сегодняшнюю досадность, то ли насосались кофе, пока Женя дрыхла: никто к автомату не подходил.

Женя, подумав, подошла к дизайнеру Вале и замерла у него за плечом, любясь изображениями на паре огромных экранов, отгородивших этот стол от всех остальных. Валя бегло оглянулся на Женю, кивнул в ответ ее легкому взмаху стаканом и снова сосредоточился на стремительном перелистывании снимков в фотобанке. Опять, значит, подбирал фоновую картинку для каталога. Такие перелистывания, верстка, перебрасывание текстов и элементов оформления, как и всякая отлаженная работа в чуждой сфере, зачаровывали почти как пламя или текущая вода. Женя любила тихо наблюдать за Вале, а Валя обычно не возражал.

Сейчас он явно искал иллюстрацию к чему-то типа «Живем дорохо-бахато». Мелькали черные автомобили и белые яхты, светлые пляжи и стильно стальные гостиные, стриженные лужайки и затылки, породистые лошади и дорогие собаки, роскошные голоспинные дамы в длинных платьях, белозубые джентльмены и самоуверенные детишки с зачесами. Все раздражающе красивые и усердно счастливые, аж из штанов и декольте вываливаются.

Блондинка, брюнетка, лысый, вся семья, вечерние костюмы, джемпер в косичку, меринсовый свитер, поло, загар, белые подошвы, белые улыбки, улыбки, улыбки, ух мрачные какие, снова улыбка. Стоп. Это же я.

– Стоп, – сказала Женя, еле удержав кофе в дернувшейся руке. – Давай назад.

Валя повернулся к ней и посмотрел очень многозначительно. Значения «Я занят вообще-то» и «А ты кто такая?» считывались сразу, остальные были еще менее ласковыми. Женя хотела извиниться, но сказала как могла твердо:

– Валь, пожалуйста, покажи предыдущую фотку.

Валя, посопев, развернулся к клавиатуре и вернул предыдущий снимок. На снимке жгучий брюнет лапал костлявую блондинку у камина. Женя, моргнув, сказала:

– Еще назад. Еще. Да что такое.

На фотографиях были разновозрастные, но одинаково элегантные семьи на фоне небо-скреба и живописной поляны. И не было снимка, который Женя зацепила взглядом на долю секунды, но каким-то чудом удержала в памяти и успела рассмотреть.

На этом снимке она, Женя, в строгом, но явно вечернем платье, темно-синем, дорогу-щем, небывалом, и сама небывало элегантная и худая, но солидная, подобранная, уложенная и ухоженная до неузнаваемости, однако все равно узнаваемая, держала за руку свирепого вида щекастую девочку лет шести в ярко-желтом и тоже наверняка страшно дорогом платье. Ту самую, похоже, которую Женя с утра вспомнила как дочь Оли, а до того вроде бы не вспоми-нала и не знала никогда.

Или знала?

Женя не помнила этого снимка, не помнила этой девочки, не помнила места, в котором снимали, – какое-то очень не подходящее гламурной подборке тоскливое казенное учреждение с огромным рисунком на стене. Судя по куску коричневого неровного круга, Чебурашка, да, точно, ухо торчит, а цветочек, который он держит перед собой, синий василек на фоне бежевого пуза, вроде бы такой же яркий, как платье, не виден. Откуда же я его помню, подумала Женя оторопело и покачнулась, все-таки пролив кофе. Ноги повело в сторону, голову – в другую, перед глазами вспыхнуло зеленое полотно с мелкими черными значками, которые неприятно копошились, сливались и набухали.

– Вот ты где, – сказали за спиной. – Давай скорее на тест, врачаха ждалась уже, бурчит.

Женя, сглотнув, разжмурилась и осторожно повернулась. Рядом громоздился очень деловитый Никитин с большой, но вроде нетяжелой коробкой в руках. Валя, неудобно развернувшись в кресле, переводил беспокойный взгляд с Никитина на Женю. На оба экрана перед ним распростерся накачанный хлыщ с причесочкой и масляным взглядом. Смотреть на него почему-то было неприятно.

Вот и старость, подумала Женя, уставилась в лужицу кофе на полу, надо вытереть, пока не разнесли, и с трудом спросила:

– Какая врачаха?

– Плановая, из страховой. Шестнадцатое же сегодня. Забыла?

Женя поморгала. Никитин всмотрелся и сменил тон, пытаясь убрать коробку под мышку:

– Женя... Ты не простыла? Видок чего-то...

– Нормально. Приболела – так врачаха скажет, – сказала Женя и направилась в переговорную.

Врачиха не сказала. Женя вообще не поняла смысла осмотра и даже не запомнила, к чему тот сводился. Зашла, поздоровалась, юркнула за ширму к кушетке, невесть как очутившейся в переговорной, села, расстегивая блузку и впадая в прохладную скуку, а потом поблагодарила и вышла – в застегнутой блузке и почему-то сжимая в кулаке смоченную синим салфетку. Снова заснула, что ли?

Впрочем, состояние было рассеяннo-бодрым, не как час назад.

Надо будет давление померить, вдруг из-за его скачков рубит так, подумала Женя и ненадолго зависла, пытаясь вспомнить, мерили ли врачиха ей давление по ходу осмотра, что вообще делала или говорила, да и просто как та врачиха выглядела – старая или молодая, знакомая ли, носатая ли, в очках ли, какого цвета халат. Не вспомнила и решила махнуть на эти мелочи рукой – в сторону мусорной корзины. Заодно и салфетку выбросила.

Ничего страшного Жене явно не сказали, а нестрашного бояться глупо. Живем дальше.

– Жади́на-говя́дина, дальше как? – требовательно спросила Оля.

Женя вздрогнула и обнаружила, что зависла рядом со столом Оли, и та теперь смотрит выжидательно и даже сурово. Больше в офисе не было почти никого. Никитин маячил у дальнего окна, а остальные, видимо, разбежались на обед. Как будто Женя им каждое утро не подтаскивает перекус согласно списку.

Женя проглотила заготовленную шутку про то, что ни новый штамм ковида, ни туберкулез с сифилисом врачиха у нее не обнаружила, и осторожно, стараясь не обижаться сразу, уточнила:

– Чего я пожалела-то?

Оля удивилась – значит, вправду не обидеть хотела, а узнать что-то.

– При чем тут пожалела? Стишок про жадину-говядину в детстве знала?

Женя неуверенно кивнула.

– Дальше как?

– Жадничает, гадина? – предположила Женя.

– Да ладно, – сказала Оля недоверчиво. – У вас так говорили? Вообще, в первый раз такое, приколы. Это же типа теста. Можно сразу определить, откуда ты, – с Москвы, с Питера, с Урала и так далее. Если второй строкой у тебя «солёный огурец»...

– А, помню. А если «турецкий барабан», то из Москвы. Не, у нас...

Женя потерла лоб и посмотрела на Олю, потом мимо нее и озадаченно спросила:

– А это что за зверь?

Оля бегло оглянулась на окно, створку которого осторожно открывал Никитин. По стеклу снаружи елозило, еле слышно повизгивая, что-то похожее на пухлую темную восьмерку.

– Викторыч опять какую-то приблуду приволок, – пояснила Оля, снова утыкаясь в экран. – Окномойщик новой модели. У Викторыча ж договор, в испытаниях участвует, денежки, небось, капаят. А мы страдай.

– Почему страдай? – уточнила Женя, не отрывая глаз от окна и зачем-то прикидывая, что быстрее – обогнуть стол Вали, стоящий между нею и Никитиным, или перемахнуть через него, словно кто-нибудь, а тем более Женя, способен перемахнуть через пару метровых мониторов.

Десять, подумала она, переступая с ноги на ногу.

– Потому что ломается всё вечно, – охотно пояснила Оля. – Заправщик кулеров помнишь? А, ты ж сама час потом подтирала. Ионизатор тот чуть все здание не обесточил. И эта балда тоже сломалась явно, будем теперь на сквозняке...

Она еще что-то говорила, но Женя уже не слышала, потому что спешила под гудящее в голове «Четыре. Три! Два!!!» к окну сквозь слишком длинные метры, слишком плотный воздух и слишком веселый сквознячок, спешила, понимая, что не успевает.

Высунувшийся в проем окна Никитин, преодолевая мешающее пузо, одной рукой пытался ухватить дергавшегося на отъезжающей створке окномойщика, а другую руку отрывал

от подоконника, чтобы поймать сорванные с ближайшего стола ветром и звучно закувыркавшиеся к окну листки, и медленно, очень медленно задирает толстые колени, обтянутые серыми штанами, сразу оба, запрокидывая сперва растерянное, потом испуганное лицо и цапая правой рукой недостаточно все-таки плотный воздух офиса, а в левой бессмысленно сжимая оконной щик, легко оторвавшегося от стекла и тут же замолчавшего.

Тишину нарушал только долетавший снизу писк светофора.

В этой тишине от писка до писка Никитин медленно вываливался из окна восьмого этажа.

Писк. Взмахнул по кругу руками, ловя ногами пол, до которого не доставал уже сантиметров двадцать.

Писк. Голова исчезла, колени взлетели, поддев так и болтающийся в воздухе листок, и скрылись за подоконником.

Писк. Коричневый полуботинок криво зацепился за угол подоконника, медленно снялся и слетел. Ступня в темном носке юркнула в окно.

Конец, беззвучно застонала Женя, напрягаясь, всмятку, восьмой этаж, центнер, не удержу.

Шлепок, за окном охнули, и в окне охнули. Никитин, хлопнувшийся лопатками и затылком об отделанную плиткой фасадную стену, – от боли и испуга, а Женя, ухватившая Никитина за щиколотку, – от старания.

Руку дернуло, по ребрам и сразу по бедру ударил очень твердый подоконник, в глазах стало красно и тут же сине, шея вздулась и заостенела, предплечья, кажется, сломались в трех местах, а в спине что-то оглушительно лопнуло. Но подошвы, проехавшись по слишком скользкому полу, все-таки остановились, а пальцы не разжимались, и правая рука не отпустила подоконник, а левая рука шла вверх, удерживая, оказывается, и поднимая все ближе к окну неохватную лодыжку, к которой все еще был приделан страшно, невозможно, невыносимо тяжелый Никитин.

Светофор внизу запищал быстрее.

Женя силно вдохнула, на выдохе вскинула левую руку и повела от плеча назад, с тупым недоумением отшатнувшись от толстых ног и едва не сбившего ее необъятного зада, отшагнула – в спине, плече и коленях опять что-то звонко лопнуло, у ног стукнуло, – развернулась и с длинным стоном опустила руку.

Никитин шумно раскинулся по полу.

Женя с огромным трудом разжала спекшийся как будто кулак.

Нога Никитина грянула на пол. Внизу зашумели машины.

Женя отступила, нашаривая подоконник руками и задом. В груди было больно. Везде было больно.

Оля смотрела на Женю с дальней стороны комнаты поверх прижатых ко рту ладоней. Глаза были черными и огромными, все остальное – очень белым.

Фигуру Оли перекрывали мониторы на столе Вали. Один был сдвинут. Значит, Женя все-таки зацепила, когда перепрыгивала.

Я перепрыгнула через метровые мониторы, стоящие на столе, подумала Женя. Мысль была твердой, тупой и не способной поколебать равнодушие. Я за полсекунды проскочила через всю комнату, ухватила Никитина за ногу и вытащила его. Одной рукой.левой. Килограмм сто, если не больше. Сто семь девятьсот. Вытащила, перенесла через подоконник и бросила небрежно, как куриную тушку.

Женя изумленно посмотрела на свои ладони. На правой были две черные вдавленные полоски от края подоконника, на левой – мелкий рубчик, как на манжете носка. На ноге Никитина, наверное, такой же рубчик плюс вмятины от моих пальцев. Я ему ногу не раздавила там? Неудобно будет. Хотя чего неудобно. Я его спасла вообще-то.

Спасла ли?

Он же о стенку ударился или мог инфаркт схватить либо инсульт, пока висел башкой вниз.

Женя дернулась, всматриваясь, и чуть не упала от резкого движения, на которое организм, кажется, считал себя временно неспособным. Ветерок, тронувший спину, был невозможно острым и прохладным.

Никитин заморгал и зашевелился.

– Женечка, – пробормотал он, собираясь в кучу нескладно и безуспешно. – Женечка, родная, спасла ты меня.

«Вы нормально?» – попробовала спросить Женя, но горло оставалось раздутым и закостевевшим. Не шли из него ни слова, ни воздух.

Я вообще дышать не могу, испуганно поняла Женя, старательно вдыхая и выдыхая. Со второго раза это удалось. Женя с наслаждением подышала и попыталась поднять листок, медленно планировавший от потолка к ней – вправо, влево, вправо.

Промажнулась. Руки слушались плохо. Женя хотела плюнуть, но листок скользнул над головой и направился за окно, на улицу, к опять запищавшему светофору и к «зебре», по которой не спеша шагали две фигуры. Крупная в синем и маленькая в ярко-желтом.

Женя заметила их краем глаза и вытянулась, пытаясь рассмотреть пешеходов и одновременно настичь порхающий в метре от лица лист.

Пальцы сомкнулись на бумаге, нога скользнула, подоконник ударил по бедрам, фигурки перевернулись вместе со всем миром.

Робот-окномойщик, которого Никитин сумел ухватить и не выпустить, покуда не оказался в комнате, выскочил из-под подошвы Жени, будто мокрый кусок мыла, и звучно ударился о стол Вали. А Женя, со стуком отбив ногой гуляющую раму, вывалилась из окна.

Она не успела испугаться и не успела понять, что происходит, потому что была сосредоточена на том, чтобы удержать в руке лист, а в поле зрения – идущую по «зебре» пару.

Женя почти успела рассмотреть пару, когда ударилась рукой и грудью о козырек над подъездом офисного здания.

Громкий, слишком громкий двойной хлопок о бетон козырька и почти сразу тротуара, долетевший до Никитина, заставил его осесть. Телефон на себе он искал тоже сидя, но набрать номер так и не сумел ни холодеющими пальцами, ни отказавшим голосом.

Скорую вызвал новенький охранник Саша, выскочивший на шум.

Женя пришла в себя от звука надвигающейся сирены. Она испугалась, что, если останется лежать, скорая не заметит ее и переедет. Но отойти, встать или просто пошевелиться не получилось.

Дожили, подумала Женя. На улице валяюсь.

Жене стало неловко оттого, что она лежит на тротуаре и что перед самыми глазами у нее нервно трясется, сминая лист бумаги, чья-то рука с разодранным сверху донизу рукавом. Рукав был как у блузки Жени, только рваный и очень пыльный. И рука была похожа на руку Жени, только очень белая и возле локтя напоминавшая неумело разрубленную баранью лопатку. Из-под темной грязи торчало что-то блестящее.

Спица тут, хотела сказать Женя то ли себе, то ли подъехавшей наконец скорой, но язык отказал, а голова медленно повернулась ближе к туманному обмороку и дальше от настоящего мира. Потому что в настоящем мире у настоящего человека в настоящей руке под настоящей, хоть и разорванной мышцей не может вместо белой кости зеркально сверкать полированная сталь, оплетенная почти незаметной паутиной оптического волокна.

Глава вторая

Хирургическое замешательство

– Тикают-тикают, – услышала Женя, вскинулась, чтобы злобно спросить: «Вам-то какое дело до моих часиков?»

И очнулась.

– В себя пришла, ты смотри, – отметил сквозь нытье сирены кто-то синий. – Есть шанс, похоже. Полиглюкин меняй, там чуть осталось. И адреналина еще пять.

– Легкие лопнут.

– Да похер разница, нам бы живую довести. Быстро, под мою.

Там спица, хотела сказать Женя, чтобы они не пугались, наткнувшись на металл. Рот был заткнут наглухо – ни сказать, ни глотнуть. Дышать почему-то удавалось: Женя попробовала, из носа вырос кровавый пузырь и тут же лопнул, брызнув алой пылью в глаза. Женя моргнула, удивившись толщине век.

– Тихо-тихо, родная, – сказал синеватый, заполняя весь мир за алой пылью и что-то, кажется, делая с лицом и шеей Жени. – Сейчас все хорошо будет, потерпи, немножко осталось.

Синими у него были не только одежда, но и маска с шапочкой, а глаза в узкой щели между ними – наоборот, ярко-карими.

Мои часики сколько надо, столько и протикают, хотела объяснить Женя и выдула второй пузырь. Синий не увидел и не услышал: он отвернулся и заорал:

– Куда поворачиваешь, давай по Мира в пятую!

– Нам в восьмую сказали, там ждут уже, – возразил второй, которого Женя не видела.

– Сюда смотри! До восьмой не довезем точно. Юнус, в пятую едем, вот тут сворачивай! Молодец.

Синий снова закрыл почти весь мир, видимый Жене. Только цифры на далеком циферблате тускло горели у него над плечом, как торчащие из шва куртки светоотражающие петельки.

– Терпи, милая, Юнус у нас человек-ракета, почти домчали, как новенькая будешь, до свадьбы заживет. Не замужем еще?

И этот туда же, подумала Женя и перевела взгляд с ярко-карих глаз на тускло-синие цифры. Края циферблата помутнели, мигнувшая в его центре цифра два стала шагающим человечком со светофора и вдруг развернулась длинным сложным текстом, составленным из выхваченных небывалым черным светом символов, четких настолько, что видны даже сквозь плотное синее туловище.

Женя вобрала и поняла этот текст сразу, не цепляясь за частности типа «несовместимая с жизнью кататравма», «множественные сочетанные травмы», «геморрагический шок», «острая кровопотеря, предшествующая преагональному состоянию», лишь чуть задержавшись на нижней строчке, мигавшей на уровне пояса, как будто вместо хлястика: «...вероятность летального исхода в течение часа достигает 90 процентов».

Жалко, подумала Женя и отключилась.

Она не почувствовала, как ее ловко выгружают из реанимобиля на подготовленную каталку и проворно везут к поджидающему лифту. Не слышала торопливых пояснений «синего» врача Анзора дежурной сестре Серафиме по поводу нетипичности симптоматики и реакций доставленной больной, а еще невозможности реинфузии крови из живота, потому что там все в клочья и всмятку. Не оценила выражения, с которым Серафима оглядела зафиксированное на ложе тело Жени, даже под натянутой тканью не слишком совпадающее с человеческими пропорциями.

– Ну хоть кровь остановили, – пробормотала Серафима, на миг замерев перед лифтом, чтобы расписаться в поданных Анзором бумагах. – Или она кончилась просто?

– Девочка, не надо так, – начал Анзор.

Мутно-стальные двери лифта сомкнулись перед его лицом, скрыв санитаров и Серафиму, бережно освобождающую край простыни.

– Не надо, – повторил Анзор, посмотрел на часы и пошел к машине, ускоряя шаг. Бригада почти выбилась из норматива, надо наверстывать и переверстывать, пока премия не пошла на минус.

Ирина с усилием моргнула, вздохнула и свернула отчет. Она с утра провела две операции, одну сама, на второй, внеплановой, – водитель-пенсионер отключился за рулем, врезался в бетонную основу эстакады, влетевшим в салон двигателем раздробило ноги и низ туловища – предполагала ассистировать, чтобы посмотреть, на что способен Даудов по большому счету и без аппаратной шпаргалки: томограф с утра опять не работал, вторая поломка за месяц, и ремонтника обещали только к выходным. Вышло досадно: Ирина не выдержала и вмешалась, когда Даудов слишком рьяно, как ей казалось, взялся за иссечение тонкой кишки, которую вроде можно было спасти. Спасти не удалось, Ирина потратила двадцать ненужных минут, убеждаясь в этом, не по делу рявкнула на Даудова, чтобы не спорил, и едва не потеряла пенсионера, организм которого оказался не готовым к длинной операции. Не потеряла, вытащила – вместе с Даудовым, который обиженку не строил, а действовал быстро, толково, при этом вежливо. Проверку, можно сказать, прошел. А вот сама Ирина, получается, нет. Хуже заводделением, которая не верит своим хирургам, только заводделением, которая оспаривает решение подчиненного лишь для того, чтобы прийти к такому же решению, разбазарив драгоценное время и силы.

Ирина перед Даудовым извинилась при всех, и сам он отнесся к ситуации как будто с пониманием. Но осадочек-то остался. Этот осадочек предстояло растворять, вычерпывать и сцеживать неделями. Только такой заботы Ирине и не хватало для полной ясности сознания и перспектив. И насыпала этот осадочек она сама, в одну секунду. Мастерича.

Уже сейчас осадочек не давал справиться с нудной, но простенькой текучкой. Отчеты Ирина давно составляла на автомате, почти не приходя в сознание после операции, но сейчас смотрела на заполненную наполовину форму и не находила в себе сил добить ее и закрыть. Все в сад, решила Ирина. Яблони пора подрезать, первый урожай огурцов и артишоков подоспел, на подходе бананы и хлебное дерево, да и от бегемотов надо отбиваться. Займусь ими.

Ирина открыла окошко с игрой «Отчаянный фермер» и некоторое время не отвлекалась ни на перемещения персонала за приоткрытой дверью, ни на шум и суету, слегка чрезмерную, но пока вписывающуюся в обыденные рамки.

Если случай за рамки вываливался, а тем более оказывался чрезвычайным, Ирину звали. Ее ответственность, в том числе административная, в предельном варианте и уголовная, тьфу-тьфу, стучу по голове. Так что по всем законам, стандартам и правилам выживания младшего под старшим заведующую отделением должны как минимум уведомить о том, что вот, подставу для вас завезли, Ирина Станиславовна, свеженькую, с пылу с жару, ознакомьтесь хотя бы, в чем увязли, сами не ведая.

Пока не зовут. Значит, можно слегка подышать, укрывшись в зарослях сельдерея. Он, говорят, способствует переключению между видами умственной деятельности. Есть смысл проверить, распространяется ли это достоинство на нарисованную культуру.

Завершить проверку не удалось. Сцедив досадливое напряжение виртуальной прополкой и закупкой химикатов, Ирина добила один отчет и взялась было за следующий, но первые же строки заставили пальцы скреститься от стыда перед Даудовым, собой и миром. Пришлось снова спастись в игре. И от себя, и от досадно закипевшей в подведомственном отделении суеты.

Ирина разок подняла глаза на мелькнувшую за дверью странность, но тут налетела красная саранча, борьба с которой требовала сосредоточенности.

Без отдельного сигнала не было повода вдумываться, почему к операционной торопливо прошла пара фигур в зеленом, а потом еще одна – то есть весь наличный состав дежурных хирургов. На то они и дежурные хирурги, опытные специалисты, чтобы справляться самостоятельно – и не под начальственным взглядом, который часто только мешает. Это Ирина, ставшая завотделением меньше года назад, помнила слишком хорошо.

Поэтому она крепилась, даже когда к операционной прошагали Бердзенидзе и Мышковец из гинекологии, а за ними долговязая дежурная на звонках Кристина, которой вообще не положено покидать пост. Но следом мимо двери, возясь с упаковкой стерильного комплекта, протопал Даудов. Ирина поджала губы, сохранила отчет и почти побежала за ним.

Даудов уже скрылся за приоткрытой почему-то дверью операционной. Ирина сунулась следом – и пройти не смогла: тамбур-шлюз, санпропускник и все чистое пространство вопреки любым инструкциям, правилам и понятиям, написанным и скрепленным, натурально, кровью, были перекрыты спинами врачей и медсестер. Мыться и облачаться как следует поздно, так что Ирина вделась в выхваченный с полочки фартук и торопливо принялась мылить руки, пытаясь высмотреть что-то сквозь спины. Без толку.

– Ну-ка, – сказала Ирина, уверенно отстраняя Кристину локотком задранной руки.

А Кристина не отстранилась. Просто не обратила внимания – так и тянула шею, вглядываясь сквозь щель между головами в нечто от Ирины скрытое и растерянно бормочущее. Ирина хмыкнула, потом хмыкнула погромче. Лишь тогда Кристина услышала, быстро глянула и посторонилась, не отвлекаясь ни на завотделением, ни тем более на демонстрацию смущения и виноватости, – просто сильнее вытянула шею, чтобы не потерять из виду картину, по-прежнему недоступную Ирине, которая была ниже Кристины на голову.

Ирина протиснулась мимо Серафимы и Заура, физиотерапевт-то что здесь делает, да еще в нестерильном халате, они обалдели, легонько ткнула локтем Даудова, – тот оглянулся и неохотно подвинулся, тут же вернув взгляд туда, куда пялились остальные, – выдвинулась наконец к залитому светом столу и замерла.

Несколько лет назад Ирина делала капитальный ремонт в квартире, доставшейся от бабушки. Отдельные неполадки Ирина помогала устранять и раньше – ну как помогала, приезжала и вызывала сантехника после очередных панических возгласов бабушки в трубку о том, что она сейчас умрет от инфаркта, а Ирине придется всю жизнь работать на соседей снизу, которых заливают прохудившийся водопровод. По звонку изрядное время спустя приходил не в меру ироничный сантехник Юра, неспешно вываливающий многолетние напластования прибауток и анекдотов на Ирину, которая по слезной просьбе бабушки следила за тем, чтобы Юра ничего не украл. В ванной же очень много драгоценностей и просто вещей, достойных пылкого внимания грабителей. Например, шампунь, мочалка или водные счетчики, которые в шкафчик не влезли, поэтому торчали над раковиной, будто приборы в кабине исследовательской модификации паровоза Черепановых.

В свободное от баек время Юра, бурча, без особой охоты ввинчивал очередное колено, муфту или патрубок в и без того еле вмещавшееся в шкафчик перекасти-поле чугуновых, железных и пластиковых труб, кивнув, забирал у бабушки денежку, которую она умудрялась подавать одновременно испуганно и высокомерно, и удалялся, оставив запах курева, носков и неизбежности следующей аварии.

Ирина почти год после смерти бабушки не решалась на ремонт во многом из-за нежелания совсем радикально окунаться в древние анекдоты и запахи. Но куда деваться – решилась, заранее настроившись на то, что теперь Юра впихнет в шкафчик погонные метры труб, совсем уже несовместимые с евклидовым пространством и здравым смыслом.

Получилось по-другому. Вместо Юры явился молодой щуплый узбек, который, открыв дверцу и полюбовавшись стимпанковским содержимым шкафчика, хмыкнул, назвал сумму – побольше обычной, но сильно меньше того, что выцыганил Юра только за последний бабушкин год, – и, заручившись согласием молодой хозяйки, вырезал и безжалостно выкинул сперва на лестничную площадку, потом к мусорке все многотрубное перекасти-поле, а вместо него вставил несколько металлических и пластиковых труб, застенчиво оттопыренных поворотными коленами и длинными рычагами кранов. В шкафчике освободилось гигантское пространство, достаточное не только для водосчетчиков, но и для швабры, пары ведер с тазиком и еще кучи всякого хлама, который вечно копится и не может найти место в ванной.

Что-то подобное освобожденному шкафчику Ирина видела сейчас в раскрытой брюшной полости лежащей на столе женщины. За операционным пространством, ярко освещенным и распахнутым, была различима только голова. Глаза закрыты – не только анестезией, но и гигантскими темными гематомами – а большая часть лица не видна под шапочкой и пластырем, закрепляющим интубацию, но понятно, что женщина явно молода и совершенно не похожа на шкафчик из бабкиной из ванной.

Снаружи. Но не внутри.

У женщины не было тощей кишки, обычно заполняющей стандартными петлями большую часть отведенного кишечнику места. Поэтому, невозможным вообще-то образом, было видно, что нет и подвздошной, заполняющей остальное пространство, и слепой кишки. А двенадцатиперстная, вопреки нормальной анатомии и законам природы, переходила в толстую почти сразу, через утолщение типа колена в бабушкином шкафчике. Ниже толстая кишка, выглядевшая неправильно или, наоборот, слишком правильно – с точки зрения человеческого глаза, а не человеческих внутренностей: без вздутий гаустрации, ровной и одинаковой на протяжении каждого отрезка – будто подхватывалась еще двумя коленами серовато-розового цвета. И ни следа брыжейки.

– Госп-п... – пробормотала Ирина, делая шаг вперед и машинально выставляя руки, чтобы Серафима накинула на них стерильные рукава, но никто ничего не накинул. – Это как?

– А это как? – бегло взглянув на нее, осведомился Никита, стоявший, оказывается, у стола. Ирина увидела, что у девушки на столе нет не только нормальной выделительной системы. Репродуктивной нет вообще – ни яичников, ни матки. Пустой провал с черно-белым от яркой подсветки дном небывалых очертаний.

В голове у Ирины зашумело, к горлу подступила тошнота.

– Кто ее так? – спросила Ирина слабым голосом.

– Никто, – ответил Никита. – Оно сразу такое.

– Оно?

– Вот, – сказала Зарема, стоявшая рядом с Никитой, и отвела лоскут.

Под мышцей блеснула сталь. Отсвет от операционной лампы прошел по изгибу металлического ребра, кольнув Ирину в глаза. Ирина зажмурилась и вздрогнула от невнятного сипения, долетевшего из-за операционного поля.

Сипение не могло быть внятным, его в принципе не могло быть: инкубационная трубка в трахее не позволяла смыкаться голосовым связкам. Но Ирине показалось, что она разобрала слова «Это спица».

Никита и Зарема тоже вздрогнули, как и все в операционной. Дважды звякнул по полу зеркальный крючок, оброненный Никитой.

К столу продавился Борис Анатольевич, анестезиолог, дернулся, будто собираясь вручную навести порядок на вверенном участке, и застыл, очарованный недоступным Ирине зрением.

– Еще и спица, – отметила Зарема задумчиво. – Рука такая же, я скальпель сломала.

– Это кто? Это она? – спросил кто-то.

Кажется, сама Ирина и спросила, не слыша себя.

Никита, опасливо взглянув на не видимую теперь Ирине голову пациентки, зло сказал:

– Серафима, инструмент мне, живо.

Серафима проскользнула мимо, быстро подала Никите новый инструмент и подступила к Ирине со стерильным халатом. Та машинально вделась в него и дала себя завязать.

– Ты закончить решил, – констатировала Зарема с непонятной интонацией.

Никита открыл рот, чтобы ответить, выдохнул и тоскливо сказал:

– Что закончить-то? Я не механик и не сантехник, меня с такими... патрубками не учили.

– Зашиваем? – деловито спросила Зарема.

– Блин. А дальше что?

– Так, – сказала Ирина, вдруг будто резко проснувшись.

Она ярко и предметно представила ближайший час, ближайший день и ближайший как минимум месяц, которые им всем, а особенно ей, заведующей злосчастным отделением, предстоит расхлебывать последствия разверзшейся перед глазами дикости.

– Кто ее сюда привез? Фамилию мне, телефон найти и звоните срочно, чтобы приехал и... Будем разбираться, что делать, чья ответственность. Серафима, ты бригаду записала?

Серафима, бледнея и водя ладонями по груди и бедрам в поисках несуществующих карманов, предложила:

– А может, диспетчеру?

– Какому диспетчеру, вам запись нужна?..

Ирина вздрогнула и замолчала, Никита отшатнулся, и теперь уже Зарема уронила что-то со звоном, от которого запоздало вздрогнули все остальные. Запоздало – потому что не увидели, что женщина на операционном столе приподняла голову, с трудом всматриваясь сквозь стиснутые раздутыми веками ресницы.

Она пальцем шевельнуть не должна, мучительно медленно подумала Ирина. Перед интуицией пациент обездвиживается миорелаксантами, тем более пациент с такими травмами.

Борис Анатольевич опять дернулся, протянул руки к идущей от аппарата ИВЛ трубке, тут же неловко прижал их к груди и снова замер, как и остальные.

Женя поморгала, всматриваясь в голубоватое полотно, растянутое перед глазами и попыталась спросить: «Где я?» В ушах коротко зашипело.

Она уронила голову на стол, не поняв, твердый он или не очень, и поводила глазами. Вверх смотреть было неприятно, слишком светло, по сторонам стояли зеленые фигуры без лиц. Одна из них выставила перед собой что-то блестящее. Ножницы, что ли, подумала Женя и чуть не хихикнула, представив, что она – бумажная кукла, с которой играют эти зеленые фигуры, например, кроют костюм для нее. Накрыли тканью и вырезают прямо по контуру. Красивый цвет, может симпатично получиться.

В памяти мелькнула шеренга бумажных кукол, очень разных, нарисованных и напечатанных в одну, четыре и много красок на газетной, офсетной, глянцевой бумаге, а Женя удивительно быстро вырезала этих куколок из страниц и обряжала в очень разные костюмы, то ловко, то нет, а мама подбадривала ее, ласково поглядывая сквозь рыжую челку, поправляя иссиня-черную прядку, убирая тяжелую русую косу, упавшую на грудь, и глаза у нее были теплыми карими, зелеными с серым крапом, холодными голубыми, как ткань, какие глаза были у мамы?!

Женя, кажется, дернулась, фигуры по сторонам, кажется, вздрогнули, та, что слева, выставила ножницы перед собой. Женя испугалась, что эдак они ей и руку отрежут, как только что сама она в памяти отхватила руку бумажной кукле ножницами, зажатými в очень не такой, как обычно, руке.

Чем не такой-то, подумала Женя, попыталась поднести руки к глазам, чтобы рассмотреть и сравнить, но не смогла и поняла, что руки ей уже отрезали.

Как я теперь без рук-то, подумала Женя, заплавав без слез, которые почему-то не текли. Кто меня замуж возьмет. Сами про часики талдычите, а сами часики вместе с руками отрезаете. Вы дураки совсем, что ли, за такое сажать мало, самым вам руки оторвать, вот прямо сейчас лично оторвала бы, как куколке, если бы вы первыми не...

Женя не сразу, но вскинула руки – которые, оказывается, были, обе, хоть и привязаны зачем-то, – пошевелила ими в стёршем пальцы и детали свете и, медленно выдыхая ужас и облегчение, поднесла ладони вплотную к глазам, чтобы убедиться, что пальцы на месте и кожа, кажется, не шоколадная, как в воспоминании про куколку и ножницы.

Рядом вскрикнули, кто-то возбужденно заговорил на три голоса: «Смотри, смотри, как надулась, впрыск пошел – это что у нее, самоинъекция, блин, я не могу». Женя не обратила на гомон внимания. Она рассматривала свое предплечье.

– Мать, ты кто вообще? – тихо спросил ее мужчина с кривой железкой – не ножницами, оказывается, – в руке.

Женя наконец оторвала глаза от металлического блеска, пугающего сильнее раны, которая располовинила ее тонкое и совсем не кровоточащее предплечье, от светлых нитей световодов, вделанных в почти незаметные стальные ложбинки и внезапно посверкивающих голубыми, в тон растянутой ниже шеи ткани, искрами. Женя повозилась, разбираясь, выдернула из себя несколько толстых иголок, с треском, чуть не выдрав верхнюю губу, содрала длинный пластырь, наклеенный буденновскими усами под носом, зацепила толстый провод, всунутый в угол рта, разбитого, холодного и совсем чужого, потащила, вытянула из горла и обронила невыносимо длинную скользкую трубку, прогнала туда-сюда царапающий воздух, привыкла, скинула на пол звякнувшие зажимы, отправила следом простыню и принялась осторожно ощупывать дыру на весь живот и бок. Предплечье сорвалось, сталь звякнула о сталь.

Слева кто-то охнул. Кажется, не одним горлом. Кажется, там было несколько человек. Много.

Женя приподнялась так, что шея скрипнула, заглянула в дыру, всхлипнула и откинула голову, звучно стукнувшись затылком и снова не поняв, мягко или твердо. Пусть не смотрят, я же голая, хотела сказать она, хотела отвернуться от зевак, хотела прикрыть грудь, пах, дыру, разверстую бесстыднее паха, но замерла, уставившись на кончики пальцев.

Перед глазами Жени стремительно развернулись светящиеся простыни быстро меняющихся текстов и картинок. Женя видела, понимала и осознавала их все. Она только не могла понять, что такое «самодиагностика» и какое отношение к ней имеет подробное описание повреждений, полученных системой, а также рекомендованные способы немедленного устранения неполадок.

И вдруг поняла.

Она все поняла.

Ирина поморщилась, глядя на нескладно ворочающееся на операционном столе голое тело. Тело было слишком бледным и довольно нелепым, дыра посреди него пугала размерами, а еще больше – нескладно смыкающимися и размыкающимися при движениях краями. И совсем до изморози пугали раздувшиеся на дне дыры узелки, деловито брызгавшие во все стороны жидкостями разного цвета и густоты.

Этого не могло происходить. Этого не должно было происходить. И уж точно – во вверенном ей отделении.

– А полис у нее с собой, кстати? – деловито спросила Ирина, надеясь, что голос не трясется совсем заметно. – И, кстати, тест на ковид делали?

– Сейчас, – сказала разрезанная женщина и вдруг вроде бы не очень быстро, но как-то враз и довольно ловко села на операционном столе, свесив ноги. – Сейчас-сейчас.

Она спустила изодранные в мясо ноги на пол, выпрямилась, покачнулась, прихватив разрубленной до серебристой кости рукой края раны и, кажется, поморщившись, – насколько

было заметно под шапочкой и маской, оставшимися единственной ее одеждой. Повела глазами, выставила перед собой руки с неправильно, как вывернутая из веника метелка, торчащей левой кистью. Руки были, конечно, как и вся пациентка, обработаны перед операцией, но темная кайма на содранных ногтях и суставах под ярким светом просто прилипала к глазам.

Женщина с распоротым животом сказала:

– Серафима, накинь, пожалуйста.

Серафима испуганно посмотрела на Никиту, потом на Ирину.

Она знакомая твоя, что ли, хотела спросить Ирина с торжественным, хоть и непонятным ей самой гневом. Женщина с распоротым животом посмотрела на руку и, поморщившись, в два движения поставила кисть как следует.

Хоть частично анестезия действует, значит, раз она боли не чувствует, подумала Ирина и тут же спросила себя в панике: а что ей анестезия и что ей боль, стальной бабе-то.

Стальная баба застенчиво добавила:

– Поскорей, пожалуйста. Я же голая, неудобно.

Серафима метнулась к ней с распахнутым халатом, в последний миг остановилась и не надела, а накинула рукава на вытянутые кисти, скрывая к общему облегчению хотя бы разрубленную руку.

Ирина закрыла глаза и глубоко вдохнула, почти не сомневаясь, что сейчас выдохнет, откроет глаза и убедится, что весь этот душный бред был только сном, а сама она беспокойно, но благополучно дрыхнет дома – или хотя бы в своем кабинете перед экраном с урожаем киношному толстых и блестящих тыкв.

Она открыла глаза и увидела сероватую полоску лба выше темных бровей и непонятного из-за тени и гематом оттенка глаза ниже темных бровей.

Пациентка стояла прямо перед Ириной.

Ирина моргнула.

Пациентка устало сказала:

– Ирина Станиславовна, у вас сейчас тыквы перезреют.

Рот Ирины приоткрылся – не для ответа, а просто так.

Пациентка осторожно обошла ее и заковыляла к выходу. Голые ступни шлепали по кафелю и отлипали от него со звуком, разносившимся, наверное, на все отделение.

Народ расступался бесшумно и не дыша.

Только Никита просипел что-то невнятное и тут же замолк, не пытаясь предпринять более членораздельную попытку.

Когда пациентка вяло толкнула дверь, стоявшая у двери Кристина отшатнулась, уперевшись лопатками в стену, и растерянно пробормотала:

– Вам справку...

Пациентка мотнула головой и вышла.

Ирина обнаружила, что легкие ее пусты, сипло вздохнула и сказала:

– Кристина, набери приемную. Срочно.

Глава третья

Зарядить магазин

Зеленый свет сменился желтым, который надвигался раздражающе плавно.

– Пошустрей, – буркнул Пыхов, на миг оторвавшись от телефона.

Василич раздраженно притопил. Микроавтобус пронесся через перекресток на красный, заставив скандально заорать сразу несколько поперечных машин.

Пыхов не обратил на это внимания – он снова был в телефоне.

– А Никитин что? Тоже увезли? Серьезное что-то? Так узнай и доложи. Жду.

Пыхов убрал телефон, раздраженно бормоча: «Работнички», – и открыл было рот для команды Василичу, но Юсупов, возившийся с аппаратурой в корме микроавтобуса, воскликнул раньше – явно ждал конца разговора:

– Есть сигнал, пока без телеметрии. Район Попова – Ломоносова.

– Да, Игорек мудливый это уже выяснил, – сказал Пыхов. – Василич, отбой с восьмой больницей, его в пятую увезли, давай туда. Как раз на Попова.

Василич кивнул и, не глядя на экран навигатора, начал перестраиваться вправо, очевидно, ближе к развороту, – он, кажется, помнил их наизусть, все, в любом порядке.

Пыхов повернулся к сидевшему за ним Овчаренко. Овчаренко смотрел в окно на мелькающие деревья и плывущие дома. Предупреждающе кашлять или иными способами анонсировать начало доклада не требовалось: босс этого не терпел. Он готов был слушать всегда, в любой обстановке, но только по существу. Ни на что другое времени не оставалось.

– Чисто самодеятельность скорой, – сообщил Пыхов. – Были твердые инструкции везти образец в восьмую, бригада ослушалась, привезла в пятую. Обычную гражданскую. Тут не очень далеко, Василич за десять минут доставит. Доставишь, Василич?

– Если с мусорами объяснишься, – сказал Василич мрачно, притормаживая.

– Да чего с ними... – начал Пыхов, но тут же понял и ругнулся.

Микроавтобус с воплем обогнала, подрезав, и встроилась в самый нос полицейская «гранта».

– Ну ладно, тормози, – пробурчал Пыхов, старательно не заметив, что Василичу совершенно не потребовалась его команда.

Василич в порядке ответной любезности старательно кивнул.

– Так, – сказал Овчаренко.

– Я быстро, – пообещал Пыхов и выскочил наружу, на ходу выискивая номер в телефоне.

Мент уже вышел из «гранты» и неторопливо шагал к микроавтобусу, нахлобучивая взятую с пассажирского сиденья фуражку. Увидев Пыхова, он остановился и сказал:

– Вернитесь в салон, пожалуйста.

– Это чисто телефон, – заверил Пыхов, показывая экран и вторую пустую руку, а сам заглянул вбок, бегло рассматривая надписи на бочине «гранты». – Да, полк ДПС, второй, я так понимаю, батальон, машина один-один-полсотни ровно.

– В машину вернулись быстро, пожалуйста, – повторил мент, кладя ладонь на кобуру, а вторую – на микрофон рации.

Старлей лет двадцати семи, невысокий, жилистый и уже начинающий лысеть.

Пыхов кивнул, но не вернулся, а сказал в телефон: «Передаю», – неспешно вытянул растопыренную левую ладонь вверх, а правую руку с телефоном еще медленнее протянул к старлею.

Телефон внезапно сказал:

– Рогов!

Старлей застыл, вцепившись в кобуру, и посмотрел на Пыхова. Пыхов качнул рукой с телефоном. Телефон повторил:

– Рогов, ты там, нет? Это полковник Очирая, узнал, нет?

Пыхов беззвучно показал, что, если взять телефон, звук можно перевести с громкого режима на интимный, и старательно отвернулся. Старлей схватил телефон, ткнул в экран, поднес трубку в ухо и рявкнул:

– Так точно, товарищ полковник! Докладываю с улицы Щетинина! Так точно, была проведена остановка в целях... Они на красный просто внаглую!.. Да я вообще ничего... Есть отставить. Слушаю, товарищ полковник.

Он вправду принялся истово слушать, полностью сосредоточившись на трубке, вдоль которой будто вытягивался по стойке смирно и отдавал честь, хотя не делал, конечно, ни того ни другого. Лишь пару раз старлей позволил себе кивнуть, а еще раз раскрыл было рот, как будто для возражения, но тут же поспешно захлопнул и вернулся в уставное раболепное положение.

Пыхов даже глянул по сторонам, нет ли гаишных камер, ради которых старается парень. Камер он не заметил, зато поймал пронзительный взгляд Овчаренко, прожигающий даже сквозь отсвет на лобовом стекле и полутораметровую подушку сумеречного расстояния от стекла до кресла Овчаренко. Сейчас-сейчас, показал Пыхов и повернулся к старлею.

Тот гаркнул:

– Все понял, товарищ полковник, исполним!

Дождался отбоя, медленно отнял трубку от уха и протянул ее Пыхову, аккуратно, но не глядя.

Ох несладкая у них жизнь, подумал Пыхов без сочувствия, потому что у кого она сладкая-то, и деловито сказал:

– Прошу прощения, что дернули, но без вас никак, дело особой важности. Вы нас только до пятой с ветерком сопроводите, под сирену и прочее, ну и зеленая улица чтобы была, а дальше мы сами. Добро? Спасибо!

Старлей кивнул, шагнул было к «гранте», но все-таки не выдержал и спросил:

– Вы кто такие хоть? Фейсы, что ли?

Пыхов усмехнулся и быстро вернулся в микроавтобус. Василич выразительно рыкнул форсированным двигателем.

– Хоть бы номера свои в базу внесли, чтобы людей зря не отвлекать, – горько сказал старлей, поспешил в машину, разбудил сирену и втопил с места, не глядя, поспевают ли незванные ведомые.

Поспевали, конечно.

– Часики ти... – шепнул кто-то, явно издеваясь.

Женя вздрогнула, шепот выбила из ушей омерзительно звонкая сирена. Не скорой, полицейская. Машина ДПС пролетела мимо сквера и заулюлюкала, видимо, дожидаясь, пока кто-то освободит подъезд к больнице. За машиной терпеливо дожидался черный микроавтобус размером с маршрутку, но выглядящий, конечно, куда дороже, мощнее и brutальнее. Потому что окна тонированные и обводы жесткие, равнодушно отметила Женя, не пытаясь понять, почему микроавтобус кажется ей знакомым. На фоне того, что творилось с ней самой, знакомым, родным и желанным представлялось абсолютно всё. Всё-всё-всё. Кроме самой Жени.

Она напряглась, пробуя включить в памяти свет, который снова выхватит полное понимание, накрывшее ее на операционном столе, а сейчас съехавшее в неразбираемую темень. Ранам стало больно, а голове жутко, и Женя выдохнула, так ничего и не вспомнив. Ладно, буду живой – вспомню. Осталось быть живой. Труднейшая, оказывается, задача. Кто бы мне сказал это пару часов назад. Почему мне никто не сказал?

Я не хочу это всё.

Женя посмотрела по сторонам, убедилась, что сквер по-прежнему пуст, а вышагивающие с колясками мамочки совсем сместились к игровой площадке, опустила взгляд, сжала зубы и снова ощутила живот сквозь зеленую ткань. Пальцы провалились туда, куда проваливаться никак не должны были, в горле дернулась пустая кислая тошнота, голова стремительно закружилась и, наверное, соскочила бы с плеч и покатилась вслед за микроавтобусом, если бы не уперлась затылком в корявую кору клена, к которому Женя предусмотрительно присоседилась.

Похудеть хотела, чтобы живот не торчал, вот он и не торчит. Вообще. Наоборот, ввалился. Чего не радуешься?

Они меня выпотрошили, как рыбу, и выбросили. Потому что полиса нет. Но у меня же есть полис. Или нет? Не важно. Я же из окна упала. Я же чуть не убилась. Я же человек. Почему они со мной так? Какое они право имеют? Им не жалко меня совсем? Им не стыдно?

Женя всхлипнула, отдергивая руку от чужого пустого живота, внезапно ставшего ее середкой, и зажмурилась, сплющивая мокрые ресницы так, что слезы юркнули к ушам. Стало темно, а когда она переступила озябшими босыми ступнями и чуть обняла себя за плечи – тепло. Покойно. Так и буду стоять, подумала Женя.

Василич еще не успел припарковаться с необходимой ему тщательностью, а Овчаренко уже выскочил наружу и устремился к входу в больницу, не обращая внимания ни на поспешившего следом Пыхова, ни на полицейскую машину, которая сдавала задом. Лицо у Рогова было холодно-оскорбленным, будто начальство заставило его не потерять пять минут на сопровождение, а публично отречься от веры в особый путь России, священную значимость функции держать и не пущать, виновность задержанных и продажность временно незадержанных и во что у них там еще положено верить. Пыхова это не волновало, конечно, – во-первых, ему платили не за волнения по поводу чувств посторонних, тем более примитивных, во-вторых, старлей сам напросился. Пыхова волновала досадная потеря времени, которая ощущалась примерно как потеря воздуха на скоростном подъеме: чем выше, тем хуже дышится, а дальше будет еще хуже, и ноги будут хлипче, а голова дурнее, а бежать все равно надо с ускорением, потому что требуют и потому что иначе нельзя, сказала Черная Королева.

Потеря времени тем более досадна, что невозможно исправить ничего из уже навороченного, и не за что зацепиться, чтобы остановить образец, пока вокруг него не наворотилось новой кутерьмы.

На текущем этапе затраты времени были сведены к минимуму. Замдиректора больницы оказался толковым или просто ладно проинструктированным. Он не стал доставать гостей вопросами о статусе, полномочиях и вообще о том, что ж делается-то на вверенном ему участке, а сразу провел их к завотделению, на ходу кратко и толково изложив все существенное: экипаж скорой привез пациентку в пятнадцать двадцать пять, женщина двадцати семи – тридцати лет, множественные открытые раны, внутренние повреждения и огромная кровопотеря в результате кататравмы, падение предположительно с седьмого – десятого этажа, при том что для взрослого человека уже четвертый этаж считается смертельным. В карете пациентка была временно стабилизирована, но показания требовали немедленного хирургического вмешательства. КТ, к сожалению, временно не функционирует, но мобильное УЗИ показало, что брюшная полость заполнена жидкостью. Дежурный хирург приступил к ревизии в пятнадцать тридцать, сразу запросив помощи коллеги, как только оценил масштаб повреждений. Первый же парамедианный разрез показал...

– Так, – сказал Овчаренко, оглядевшись перед дверью с табличкой «Заведующая отделением хирургической реанимации Седых Ирина Stanisлавовна», рванул дверь на себя и вошел.

– Спасибо огромное, – сказал Пыхов, проскальзывая следом и прикрывая дверь, чтобы отсечь толкового замдиректора. Тот, что характерно, воспринял отсечение как должное, только выкрикнул в сужающуюся щель: «Ирина Станиславовна, это насчет вашей пациентки».

То ли возглас сыграл деструктивную роль, то ли завотделением с самого начала была настроена обороняться и твердо стоять на том, что ни она, ни ее подчиненные ни в чем не виноваты, но ничего полезного Седых не рассказала. Внешне она была спокойной, хотя явно психовала. Догадаться об этом можно было только по некоторой заостренности осанки и мимики, а также по тому, как цепко держалась врачаха будто заученной наизусть отчетной формы из двадцати строк: время, описание, предпринятые действия.

Про строгое следование правилам и инструкциям на всех этапах Седых повторила трижды. Повторила бы и в четвертый раз, но Овчаренко сказал: «Так» – и вышел.

Пыхов, даже не попытавшись хотя бы улыбнуться извинения либо смягчения ради, велел:

– В отчете особенности пациентки не указывайте, остальное можно. Начальство ваше предупреждено, с этим проблем не будет. И упаси вас бог от утечек.

– Куда, в газету? – горько поинтересовалась Седых.

Пыхов остановился.

– Куда угодно. Вконтактег-инстаграмчег, в пикабушечку, дзен, мужу вечером, в курилку веселых медбратьев. Никто не поверит, а мы узнаем. Лучше без этого.

– Мы – это кто? – спросила Седых, откидываясь на спинку кресла.

Она явно разозлилась. Нормальная реакция. И реагировать на нее следует нормально.

– Начальство спросите.

– Думаете, скажет?

Пыхов вышел, оставив дверь приоткрытой.

Женя открыла глаза, лишь когда тепло вокруг стало совсем густым, а местами даже жарким.

И обнаружила, что все изменилось.

Вообще все.

Женя не стояла в сквере у дерева, обнимая себя руками сквозь тонкую ткань операционного халата. Она сидела на приятно почему-то прохладном каменном полу между длинных высоких полок, уходящих далеко вправо и влево. Полка перед глазами была заставлена металлическими кастрюлями и сковородами разной степени непригорания, секции подальше были заняты керамическими и стеклянными формами для запекания.

Полки за спиной были, похоже, заставлены пластиковой и бумажной посудой и коробками салфеток. Одна из таких коробок свалилась от неосторожного движения пришедшей в себя Жени. Коробка упала не на прохладный каменный пол, а на длинный неровный холмик мусора. Его справа от Жени выстроили высоченные, по колено, вороха уже смятых салфеток, изодранные и сплюснутые картонные и пластиковые тарелки и стаканчики, странно скрученные и будто сплавленные металлические мочалки, сразу гроздь, муравейник аляповатых китайских игрушек, разных – куклы, машинки, роботы, просто свистелки и мерцалки, страшные в упакованном-то виде, а теперь вовсе безобразные, потому что переломанные и выпотрошенные, – горсть одноразовых зажигалок, флаконы с моющими средствами и тюбики с кремами, все вскрытые, многие опрокинутые и заливающие пол разноцветными вязкими лужицами, которые сползли в странного вида и консистенции болотце.

Не вляпаться бы, подумала Женя, попробовав убрать руку от этого бедлама, и обнаружила, что рука и без того убрана предельным образом: она спряталась под халат и бережно, но сильно втирает что-то в живот снизу вверх. Вот эту вот грязь с пола, получается, сообразила Женя, прямо в распахнутую рану, получается, поняла она, впадая в омерзение и ужас, попыталась отдернуть руку, но не смогла. Рука так и наглаживала живот, который не ощущался как

разрезанный и распахнутый, наоборот, был ровным, гладким и скользким. От движения Женя чуть не потеряла равновесие, покачнулась и посмотрела влево.

Слева от Жени курган был выше и безобразней. Его образовывали продукты: пара сырых кур, несколько упаковок хрустящих хлебцев, луковицы, одна вроде надкусанная прямо поверх нечистой шелухи, кассета яиц, разодранные пакеты сахара и муки. Сахар и мука были щедро просыпаны вокруг и тоже залиты жидкостью, очень блестящей под лампой дневного освещения. Видимо, подсолнечным маслом. Бутылка стояла рядом.

Левая рука ловко нырнула в пакет с мукой, зачерпнула горсть, метнулась ко рту – и рот Жени наполнился сперва очень сухой и сразу гадостно вязкой кислинкой. Чего это я, подумала Женя ошалело, поднося к губам горлышко пластиковой бутылки с подсолнечным маслом. Что я делаю, чуть не взвизгнула она, но крик сквозь мокрую муку не лез. Она зажмурилась и, кажется, глотнула раз, другой и третий, крупно, гладко, хорошо.

Нежный ком, толкнувшись изнутри в напрягшееся горло, быстро скользнул вниз. Женя раскрыла глаза, увидела, что левая рука совершенно против ее желания, но уверенно и будто натренированно, точно каждый день этим занималась, перехватывает куриную тушку и подносит ко рту. Меня вырвет сейчас, поняла Женя, гадливо зажмурившись и пытаясь отвернуть лицо, чтобы не ощущать склизкое прикосновение белесой пупырчатости и запах сырой курицы с легкой медицинской отдушкой, – и не ощутила. Запах был как от щавелевого супчика из дачного детства, и вкус был соответствующим – освежающе кисленьким. Женя попыталась распахнуть глаза, чтобы понять, как возможны такие чудеса, но отвлеклась на совсем уж неуместную и мало чем оправданную попытку вспомнить, а когда у нее было это дачное детство, где и как долго.

Дача открылась перед ней белой колоннадой, быстро съездившейся в беседку красного дерева, по которой деловито пробежала огромная ящерица, раздувающая перепончатый капюшон вокруг шеи. На ящерицу презрительно смотрел королевский пингвин, замерший на подернутом льдом краю беседки, от которого к ближайшему торосу уходила замерзшая веревка.

– Она вообще живая? – спросили неподалеку, и Женя снова вздрогнула, приходя в себя.

Курган слева от нее осел и обратился в кучу обычного кухонного мусора: шелуха, скорлупа, драные обертки и размазанная вокруг нечистота. От куриных тушек остались ошметки шкуры и кости, причем явно неполные комплекты, бутылка опустела. Кто это, интересно, всё тут подменил, подумала Женя, сглатывая.

– Еще как. Она в самом деле все это сожрала? – спросил другой голос.

В начале ряда стояла пожилая пара с тележкой. Мужик смотрел вроде сочувственно, тетка – с явным омерзением.

– Может, позвать кого? – нерешительно сказал мужик.

Голоса у них были почти одинаковые.

Женя хотела показать, что никого звать не надо, она сейчас все быстренько приберет и уйдет. Для убедительности Женя подняла руку, увидела зажатое в пальцах куриное крыло, неаккуратно обваленное в сахарном песке, и поспешно сунула его в зубы. Вкус был божественный – как у правильного турецкого кофе.

Пожилая пара одинаково перекосилась и умчалась прочь.

Женя, похрустев челюстями, попыталась отбросить кость, обнаружила в некоторой растерянности, что отбрасывать уже нечего, рука пуста, хоть и испачкана в несколько разномастных слоев, – и потянулась вправо за салфетками.

Салфеток не осталось – все были скомканы и сплющены не в комки, а в жгутики или даже крупную целлюлозную пыль, покрывавшую свалочку пустых упаковок, флаконов и обломков пластмассы. Ну вот, подумала Женя озадаченно, повернулась к стеллажу, чтобы подцепить новую коробку салфеток, раз уж все равно подразорила магазин, но не рассчитала усилие. Рука

скользнула по краю полки. Стеллаж со стоном качнулся назад и со стуком – вперед. По всей длине с него сорвались, мягко, звучно или звонко, коробки, упаковки и ведра.

Жене стало неловко. Она принялась подхватывать и всовывать на место то, до чего дотянулась, не вставая и не озираясь на приближающиеся возгласы.

– Правда буйная какая-то, – пробормотала Жаннат, которую парочка стариканов отвлекла от расстановки соков жалобами на чокнутую, кажется, покупательницу, засевшую между стеллажами хозтоваров.

– Стой тут, – велел охранник Илья, за неимением кобуры и вообще какого бы то ни было оружия вцепившийся пальцами в ремень, и двинулся к чокнутой.

Рассевшаяся на полу чокнутая его усердно не замечала. Она суетливо, с нелепой чрезмерной силой и тщанием впихивала упавшие коробки и упаковки обратно на полки, выбирая при этом самые неуместные пустоты и ниши.

– Ты что творишь, а? – спросил Илья с мягкой укоризной, осторожно приближаясь.

Чокнутая будто не услышала. Это наполнило Илью раздражением, вытеснившим легкое сочувствие к дурной бабе. Убирать-то за ней не Илье, мог себе позволить и сочувствие, кабы чокнутая была его достойна. Но та не была.

– Встала и убрала сейчас... – начал Илья, осторожно, но твердо прихватывая чокнутую за плечо.

Чокнутая, не поворачиваясь, небрежно ткнула Илью щепотью в сгиб локтя. Локоть щелкнул оглушительно и беззвучно. Оглушительно потому, что щелчок болезненным взрывом разнесся по костям, мышцам и нервам Ильи, ткнулся изнутри в каждую клетку кожи и отхлынул обратно в локоть сотнями ледяных ручейков, – а беззвучно потому, что за пределы кожи Ильи, миг ставшей мешком, полным страдания, не вырвалось ни звука, ни намекающего на него движения.

Илья сделал два спотыкающихся шага назад, едва удержавшись на ногах и вообще в сознании, подышал, приходя в себя сквозь омерзительную вялость и хлынувшую из каждой поры едкую испарину, повернул посеревшее лицо к Жаннат и прошипел:

– Ментов вызывай. Быстро.

Сзади зашаркало и застучало. Женя оглянулась, но успела заметить только мелькнувшую между стеллажами фигуру, кажется, в темной форме. Жене стало тревожно. Она встала, качнувшись, потопталась на месте, рассматривая колоссальную неопрятную свалку вокруг себя, и неуверенно подумала, что надо, наверное, прибраться и заплатить. Но как, если у нее ни веника, ни кошелька? И вообще, всего имущества – чужой одноразовый халат да дыра во весь живот.

Женя прислушалась к себе, медленно опустила голову и некоторое время следила за холмиком руки, что ползал под заляпанной и размахрившейся зеленой тканью от груди к лобку, – там, где пару часов назад kloкотал лютый ужас боли, а потом безмолвно и страшно существовала не совместимая с жизнью темная пустота, в которую Женя заглянула разок, сидя на операционном столе, и больше заглядывать не хотела.

Она будто нехотя стряхнула с левой руки хлопья съестных нечистот, завела под подол и эту ладонь, некоторое время робко оглаживала и ощупывала себя с обеих рук, наконец решилась, закусив губу и задрала нижний край халата, прижав его подбородком. И застыла, разглядывая живот и ниже.

Ниже все было как обычно, хоть и бледно до прозелени – или, может, такой оттенок накидывал свет дневных ламп, напоминавший сцену из триллера, действие которой происходит в прозекторской. Наверное, поэтому смотреть на свои ноги и лобок было жутковато – они казались не просто неживыми, а безоговорочно чужими, посторонними, будто на манекене,

собранном из двух неподходящих половинок, причем что именно не подходит – размер, цвет или материал, – понять не удавалось.

Но выше было еще хуже. Формально-то, наоборот, лучше лучшего. Не было месива кожи, мышц и кишок, не было черной дыры, слишком объемной и глубокой для того, чтобы мириться с ее существованием в собственном теле, не впадая в немую жуть. Не было даже обычного дрябловатого живота, который не слишком вываливался, зато совсем не втягивался и норовил собраться в валики.

Теперь там был чужой живот. Бледный, впалый, с незнакомого вида пупком и длинным продольным рубцом, толстым, цвета свиного фарша и поблескивающим на частых микроскладочках. Блеск мигал и как будто катился, потому что складочки натягивались и исчезали, растворялись, и цвет фарша выцветал, так что рубец, пока Женя рассматривала его, стал гораздо менее заметным и – она потрогала несмело, потом сильнее – менее ощутимым кончиками пальцев, точно клок сахарной ваты, упавший на поверхность теп-лого чая.

Женя двинула пальцем посильнее и тут же отдернула руку и вскинула голову, чтобы упавший подол не позволил увидеть, как часть шрама под нажимом стерлась, будто нарисованная, и, что страшнее, – как внутри живота под кожей будто бы прошелся палец, выставленный навстречу ее указательному.

Женя поспешно убрала вторую руку, и ужас стал пронзительным. Кажется, она нечаянно скосырнула пупок. Он сорвался на пол сморщенной бесцветной коросточкой, как с высохшей болячки. Но это же не болячка, подумала Женя в панике. Это же пупок. Как я без него? Он нужен ведь каждому, и мне был нужен всегда.

Зачем, кстати?

Я не хочу об этом думать, поняла Женя. Я не хочу это ощущать. Я не хочу этого всего. Так не бывает. Это не я.

Кто я?

Она сделала решительный шаг и замерла, зажмурившись. Перед ней стояла хмурая щекастая девочка в дорогом желтом платье. Девочка смотрела на Женю исподлобья. За ее спиной был не проход к торговому залу, а неприятно окрашенная стена с жутковато нарисованным Чебурашкой.

– Я заберу тебя, – сказала Женя, обмирая. – Скоро буду, жди.

– Вот эта, – услышала она, открыла глаза и вцепилась в стеллаж, переводя дыхание. Сердце колотилось, с лица капало, глаза метались, спасаясь то ли от натекающего с бровей пота, то ли от пережитого только что видения. Вместе с глазами метался мир, и стеллажи, и торговый зал, и два мента, которых науськивал на Женю незнакомый охранник, перехвативший левой рукой локоть правой.

Менты двинулись на Женю.

Женя двинулась им навстречу – быстро, чтобы соприкосновение случилось не между стеллажами. Менты облегчили задачу: они замедлили шаг, напаривая дубинки. Женя увеличила темп.

– Стоять, сказал! – воскликнул левый мент, несколько привирая, потому что ничего он пока не сказал, но тут же умолк.

Он явно не умел сочетать осмысленные действия с осмысленными высказываниями.

Менты засуетились молча, выдергивая дубинки, отводя их и чуть расходясь, чтобы не мешать друг другу.

Женя быстро проскочила между ними, с удивительной в первую очередь для себя ловкостью уклонившись от обеих выброшенных рук, с дубинкой и без, – левый мент все-таки не решился бить без предупреждения.

– Стоять! – повторил левый мент с забавным отчаянием, глядя перед собой, на товарища, потом, развернувшись, туда, где должна была бежать рехнутая баба в медицинской накидке.

Там никого не было.

Илья смотрел на пустой проем выходной двери с раздвинутыми створками. Через проем долетал невнятный уличный шум.

Хлопнула дверь машины.

Двери, помедлив, начали съезжаться, отрезая наружные звуки – в том числе, наверное, скрежет зажигания и рокот мотора, следующие обычно за хлопаньем водительской дверцы.

Левый мент спросил:

– Ты тачку запер?

Менты переглянулись и рванули к двери.

Илья медленно опустился на корточки, баюкая пульсирующую болью руку.

Слава богу, подумал он, ушла, дальше не мои проблемы. Слава богу.

Глава четвертая

Из машины

Они успели сделать три круга по окрестностям, расширяя радиус. Овчаренко молчал, глядя в окно, – как обычно, но Пыхову становилось все неудобнее. Не только от молчания, конечно. Больше от того, что по улицам бегают образец, выведенный в непонятный и небывалый режим. А Юсупов не может ни засечь его, ни хотя бы частично наладить телеметрию. За что ему деньги-то платят, подумал Пыхов раздраженно. И немаленькие, наверное, деньги.

Вопрос был не по делу и Пыхову не по чину, но сдержаться он уже не мог, поэтому развернулся, чтобы поинтересоваться в какой уж получится форме. И тут Юсупов сказал:

– Кажется, есть. У ментов вызов в «Перекресток» на Великанова, тетка напала на охранника.

– Поехали, – сказал Пыхов, хотя Василич без лишних команд уже, притопив, выходил на полицейский разворот поперек проспекта, бегло убедившись, что встречные машины не зацепит, а попутные успеют увильнуть, если захотят.

Захотели.

– Так, – сказал Овчаренко.

Не про поворот, конечно, а про «напала на охранника». Это очень плохой сигнал. Ладно, разберемся, подумал Пыхов неуверенно.

Как в этом разобраться, подумала Женя, оглядываясь. Вот тут, видимо, ключ должен торчать, но не торчит. Да если бы и торчал – толку-то. Я ж водить не умею.

В полицейской машине пахло елочкой-отдушкой, чипсами и долго сидевшими на одном месте мужиками. Спасибо не слишком толстыми.

Это я сейчас фэтшейминг включила, подумала Женя. И это я время трачу на ненужные мысли и рефлексии, вместо того чтобы выскочить отсюда и бежать со всех ног, пока к нападению охранника не добавили попытку угона полицейской машины. Никто же не будет разбираться в том, что машина была открытой. И в том, что я просто дернула за ручку и села в открытую машину отдохнуть.

И просто руками по приборной доске повела. Как будто пыль стирала.

У мужиков вечно пыль и мусор.

«Перекресток» на Великанова был в десяти кварталах. Василич пролетел их за минуту. Теперь надо было проехать метров сто до разворота и уйти на дублер, который отбивался от проспекта расширяющимся газоном с редкими деревьями.

Стоянка у «Перекрестка» оказалась почти пустой – время такое, обеденный наплыв давно иссяк, вечерний еще не начался. Почти впритык к раздвижным стеклянным дверям припарковалась полицейская «гранта» – Пыхов сперва решил было, что та самая, гаишника Рогова, но нет, экипаж ППС номер двенадцать ноль семь. Стекла машины бликовали, стекла дверей «Перекрестка» тоже, картинка выглядела статичной и мирной. Но Пыхов все равно заерзал и скомандовал:

– Давай через газон.

– Рыхло, встрянем, – буркнул Василич, газуя перед уходом на встречу. – Держитесь.

Женя закрыла глаза. Ей почему-то не надо было ни вертеть головой, ни вглядываться, ни даже просто держать веки поднятыми, чтобы видеть, как стеклянные двери супермаркета распахиваются, выпуская мешающих друг другу полицейских, как с полотна проспекта позади налетает с растущим ревом черный микроавтобус, слишком громко бьет о бордюрный камень левым и тут же правым колесом, подскочив, вколачивает себя почти до днища в землю, выбрасывает в разные стороны два густых черных фонтана, на неуловимый миг застывает и тут же выпрыгивает, будто с пинка, и мчится на «гранту», махом раздувшись из точки в полмира, и

как оставшаяся половина мира, спрятанная под теплой пластмассой, собирается в механизмы, устройства, передачи и провода, которые только кажутся сложными и непонятными, но если вот этот цилиндр провернется, здесь вспыхнет искра, которая заставит все работать ровно так, как надо.

Женя вздохнула и напряглась. Искра вспыхнула.

– Убьемся, – успел сказать Пыхов, вцепляясь в ручку над дверью, будто она могла уберечь от падения в лицо лобового стекла и стального борта с номером двенадцать ноль семь.

Борт с номером перестал вырастать и исчез. На его месте чуть дальше возникла стена, обложенная блестящим сайдингом.

Василич снова тормознул с перегазовкой, выкручивая руль. Почти удалось – микроавтобус взвизгнул и резким отскоком сменил направление. Пассажиры обстучали стойки и стекла, не успевая выругаться либо даже охнуть. Микроавтобус все-таки слегка – но очень громко бомкнув – зацепил стену кормой и остановился, раскачиваясь.

Полицейская машина стояла в паре метров, колыхаясь в такт микроавтобусу, словно издевалась. Полицейские жались к блестящей стене, отмахиваясь от обезумевшей двойной двери магазина, которая не могла понять, открываться или закрываться. Их, слава богу, вроде не зацепило.

«Гранта» взревела и поехала – рывком, другим, точно неопытный водитель не мог разобратся со сцеплением, но быстро разобрался. Седан по дуге выскочил на дублер и унесся не то что к проспекту, а сразу в горизонт.

– Так, – сказал Овчаренко, но Василич и без того уже гнал следом.

Пыхов бегло потрогал голову и плечо, убеждаясь, что они на месте и не кровоточат, и почти тем же движением сунулся за телефоном.

Быстрее, подумала Женя, вцепившись в руль, которым чуть поводила, обходя попутные машины. Правой ногой она вдавила какую-то педаль в пол, а левую убрала под сиденье, чтобы нечаянно не зацепить неподходящую деталь, разбираться в которых не было ни времени, ни охоты. Рычагом Женя пощелкала в самом начале, выставив трансмиссию так, чтоб не мешать двигателю работать на максимуме возможностей, и парой мысленных толчков наладила подачу топливной смеси в необходимом этому максимуму объеме. Теперь оставалось мчаться, вписываясь в повороты и не сталкиваясь ни с попутными машинами, ни с теми, что нарочно пытались помешать.

Их Женя заметила издали – вернее, не заметила, а внесла в карту дорог и событий, мгновенно соткавшуюся то ли перед, то ли сразу за глазами, едва машина набрала скорость. Черный микроавтобус ревел в трехстах метрах позади и пока не мог, несмотря на все усилия и форсированный мотор, сократить расстояние. Такой же, как у Жени, полицейский автомобиль мчался, вопя сиреной, по очередному дублеру к выезду на основное шоссе. Он явно собирался подрезать Женю, но пока столь же явно не успевал, пусть и не понимал этого. Серьезнее была опасность, исходившая от серого полицейского автобуса. Женя заметила его на съезде с соседней эстакады, на всякий случай пометила на мысленной карте – и теперь отслеживала его не то краткими взглядами, не то просто по звуку. Автобус с ревом уходил по утратившему параллельность Черкасскому проспекту, чтобы поскорее свернуть на перпендикулярную улицу Шевченко и выскочить перед носом Жени. Он мог успеть и преуспеть: масса и резвость автобуса не позволяли «гранте» ни опрокинуть его, ни объехать, ни тем более игнорировать.

Поворотов и перекрестков до Шевченко не было, не уйти. А после Шевченко три километра до моста, меньше пары минут.

Женя напряглась, мотор взвыл, «гранта» затряслась, обойденный впритирку *Geländewagen* возмущенно рявкнул, но успокоился и отстал – явно рассмотрел полицейскую раскраску. Сирену, может, включить, подумала Женя, но решила не отвлекаться. Скорости сигнал не прибавит, а помехи пока удается обходить и без лишнего шума.

Сирена на дублере отстала, меняя тональность: уперлась в затор, образованный неспешно паркующимся джипом. «Гранта» Жени, будто компенсируя потерю высоких частот в правой колонке, нарастила обороты и еще чуть-чуть прибавила скорость.

– Куда он летит? – пробормотал Пыхов, оперевшись на всякий случай в нагретую панель перед собой. – Там мост дальше, знает же, что перекроем.

– Красиво идет, – сказал Василич, не отрывая глаз от далекой полицейской задницы. – Кто учил-то?

Ты и учил, чуть не брякнул Пыхов, но сдержался, уловив краем глаза предостерегающее движение Овчаренко. Тот нависал в щели между сиденьями, натянув ремень до упора.

– Сейчас шархнет, – бесцветно сказал Василич, уходя в правый ряд.

Рехнулся, всполошенно подумал Пыхов. На этот ряд ведь ментовской автобус перехвата с Шевченко сейчас и выскочит – и мы прямо в него, а «гранта» проскочит. Но тут же Пыхов сообразил, что Василич рассчитал правильно. Неизвестно, на какой полосе врежутся ментовские машины, но явно не на правой, которой «гранта» пока усердно избегает, и в любом случае сумма векторов после удара если и потащит их в сторону, то в левую, а не в правую, так что шансов уцелеть больше как раз в медленном ряду.

У нас. А у остальных, беззаботно летящих рядом?

Пыхов, заметно, кажется, оскалившись, отбросил эту мысль. Она касалась второстепенных проблем. А пока надо было решать основную. Главную.

– Так, – сказал Овчаренко.

Пыхов, отвлекшийся на фантастический маневр «гранты», которая в две секунды змейкой обошла троицу машин, включая безумную «газель», не желавшую уступать никому и никогда, всмотрелся и замер. Впереди справа с устрашающей и совершенно не подходящей ему скоростью налетал серый автобус с глухо зашторенными окнами. «Гранта» могла сбавить скорость и выждать, пока автобус выскочит перед ней, чтобы обойти в спокойном режиме, но либо сочла это более рискованным, либо не забыла о втором преследователе, расстояние до которого хоть и не сократилось, но выросло не особо. И о третьем, кстати, – «гранта» на дублере наконец продралась сквозь затор и теперь заполошно выла, вроде чуть ближе каждую секунду.

Только секунд почти не оставалось.

Слева с грохотом проревело и ушло вперед что-то сине-черное, но Пыхов не отвлекался. Он смотрел вперед и вправо.

Серый автобус, не тормозя и даже не сбрасывая скорость, приблизился к пересечению с проспектом, скак-нул и рухнул, явно на «лежачем полицейском», – зубы Пыхова аж лязгнули от невольного сочувствия – и выскочил на проспект наперерез «гранте». Она, как ни старалась, не сумела проскочить перекресток раньше, а теперь не успевала сбросить скорость так, чтобы обойти препятствие по комфортной дуге, поэтому с визгом пыталась воткнуться в левый ряд между внедорожником и малобюджетным китайцем.

Серый автобус мотнулся, выровнялся и покатил влево, чтобы зайти «гранте» в нос и затормозить, превращая две тонны металла в чугунную стену, смертельную для отечественного седана и его водителя.

Не было им спасения.

Пыхов вцепился в панель так, что пальцы, кажется, погрузились в твердый пластик.

В раму лобового стекла влез седельный тягач без прицепа. Он с неуместной прытью перестроился через две полосы и окончательно лишил «гранту» маневра: справа от нее был тягач, слева – внедорожник, а серый автобус, почти невидимый за синей кабиной тягача, кажется, рванул влево, чтобы накрыть эту коробочку наглухо.

Пыхов раздраженно повел головой, высматривая за помехой существенные части картины, – и тут существенное сшиблось и перемешалось с несущественным.

Тягач выстрелил густой черной струей и рванул вперед, на серый автобус, стремившийся к полосе, с которой не могла уйти обреченная «гранта».

Грохот, скрежет, рык, снова грохот, нескончаемый.

Тягач ударил в корму автобуса, автобус подпрыгнул, чуть развернулся, сумел выправить курс – и тягач, мгновенно разогнавшись, ударил его снова. Разница скоростей усилила воздействие, автобус косо поволокло вправо. Тягач, кажется, чуть подпрыгнув, подмял его, автобус встал на дыбы, медленно закрутился вдоль вертикальной и тут же, быстро – горизонтальной оси и вылетел в кювет. Тягач успел боднуть его напоследок и рванул вперед.

Пыхов видел это краем глаза, хотя пытался следить изо всех сил: голова отворачивалась от вздымающихся тонн металла вместе с микроавтобусом, Василич мучительно медленно маневрировал, уходя от аварии, серый автобус, очень быстро и очень неправильно вращая вывернутым колесом, показал днище и рухнул в проплешину пустыря, вздымая фонтаны земли куда богаче тех, что вырывались из-под колес микроавтобуса пять минут назад.

Объехали, мчимся дальше.

Пыхов онемевшей рукой вытер лицо, невнимательно посмотрел на кровь и растер ее о другую ладонь, ловя взглядом «гранту». Видимо, ударился все-таки о панель либо даже о лобовое стекло, вот смазанное пятно, ни ремень не помог, ни упертые в панель ладони – не помогли, но спасли, иначе череп бы размазал, а не нос помял. Поэтому и руки онемели, отметил Пыхов и забыл об этом, озираясь.

В салоне воняло сцеплением, резиной и выхлопом тягача, но в остальном было нормально: Василич вел, нахмурившись чуть сильнее обычного, Овчаренко был цел, Юсупов бормотал сзади – точно, вызывал помощь для водителя полицейского автобуса. Перевернутый автобус остался позади, позади же надвигалась, воя сиреной, «гранта» преследования. «Гранта» с образцом уходила вперед, к мосту, который, Пыхов видел уже отсюда, был наглухо перекрыт: хвост широкой очереди остановленных на въезде машин сиял толстенным гранатовым браслетом. К браслету дурным сапфиром, или что там за камень блистает сине-черными гранями, неся тягач.

Капец, подумал Пыхов сквозь онемение, перетекшее из рук в голову, он же сейчас всех перемолотит и в жмых собьет. Убирайте перекрытие на хрен, попытался рывкнуть Пыхов, но голоса не было.

Тягач, с издевательской – особенно после того, что сейчас натворил, – пунктуальностью включив поворотник, ушел вправо, на набережную.

«Гранта», не включая поворотник, – за ним.

– Ильдар! – окликнул Пыхов, но Юсупов уже увидел сам и забормотал про необходимость перекрыть набережную у второй дамбы.

– Теперь не уйдет, – сказал Василич с некоторым удивлением.

– Если догоним, – ответил Пыхов.

Василич цыкнул зубом и надал.

Они почти догнали «гранту», но не тягач, который умудрился то ли проскочить сужение у дамбы до того, как его блокировала пара оранжевых самосвалов, то ли просто испариться в прохладном ветерке с реки.

Набережная, к счастью, была пустой – полицейские наконец сработали четко и отсекали всех желающих спуститься к реке минимум на трех съездах пораньше.

«Гранта» двенадцать ноль семь бежала к перекрытию в гордом одиночестве. Не гордом, вернее, а удивительно безмятежном. Образец за рулем будто не видел ни оранжевых рифленых бортов, ни рассыпавшихся вокруг черных «космонавтов», принявших оружие наизготовку. «Гранта» бежала к ним по самой середке двухрядного движения, так что разметка разделяла машину осевым пунктиром, как в школьном учебнике. Разделяла, а потом сместилась правее, стала из оси касательной – и отстала от «гранты».

А «гранта», выбив звено чугунной ограды, подпрыгнула на земляном бруствере и полетела над рекой. Ввысь. По пологой дуге.

Вниз.

И с невысоким всплеском рухнула в реку в десятке метров от берега.

Дальнейшее Пыхов запомнил не очень твердо. Да и нечего было особо запоминать. Василич осторожно сбросил скорость, все, даже Юсупов, выскочили из микроавтобуса и долго всматривались в белое бурление, а потом в серость быстро успокоившейся реки. Не выскакивала на воздух черная голова, не всплывала белая спина, не было ни обломков, ни следа. Лишь местами поверхность забирала короткая рябь, как схватывается вдруг мурашками от дуновения или испуга произвольный кусок кожи на спине.

Пыхов поежился и пошел звонить, приказывать и объясняться.

Звон в ушах достиг невыносимой, кажется, высоты и оказался терпимым. Женя чуть покачалась, убедившись, что илистое холодное дно не всасывает ноги глубже, чем по щиколотки, а выпускает совсем легко, так что можно сделать шаг. И другой. И третий.

От дна поднимались черные чешуйки и нити чумазого ила. Вряд ли они достигали смутно блистающей поверхности.

Женя плотнее перехватила мешок, приставила смятую горловину к сомкнутым губам и попробовала вдохнуть. Получилось. Воздух оказался горячим и не-вкусным, к тому же вонял пороховым – Женя ощутила это, когда воздух продавился через носоглотку до переносицы, – но был богат кислородом, который растворялся в крови, позволяя сердцу тукать с исправностью хорошего механизма.

Я не механизм, зло подумала Женя и велела себе заткнуться.

Пока побуду механизмом. Пять, шесть, семь шагов на один вдох. Выдыхаю. Серебряные пузырьки побежали вверх, к поверхности, которую рвут, наверное, не самым заметным образом. Может, рыбка выдохнула или бобер пукнул. Вдыхаю.

Выданный из руля мешок безопасности был плотным, хватка – железной, воздух мимо губ почти не проскакивал. Еще шесть, семь, восемь шагов.

Так, потихонечку, вперевалочку, механически и дойдем – не к правому берегу, так подальше от левого, от безумцев, которые гонятся за ней и пытаются раздавить, убить, схватить. И кто знает, что хуже.

Пусть никто и не узнает.

Пять, шесть, семь, выдох, вдох.

Так надо.

Все всё делали более-менее в рамках необходимого, счастливо совпадавших с рамками согласованного и законного. Овчаренко такал, Юсупов вслушивался, Василич ждал, сам Пыхов объяснялся и разруливал. С ментами, мэрией, МЧС, пожарными, вертолетчиками, водолазами, лебедочниками, составлявшими, оказывается, отдельное сословие. Сумел даже сам, не подключая Овчаренко, успокоить пару собеседников из области и одного из Москвы – к счастью, не самого сведущего и вообще такого, чье волнение не слишком делало погоду и прочие неприятности.

Погода держалась до вечера – точнее, до момента, когда установленная на КамАЗе лебедка вытянула из воды «гранту». Пыхову и остальным строго велели держаться за ограждениями: лебедочник снисходительно предложил посмотреть в его телефоне фотку пары начальников, которые ослушались, а трос лопнул и сделал из пары квартет. Овчаренко поглядел на лебедочника столь оценивающе, что Пыхов почти всерьез испугался, что босс намерен продемонстрировать постороннему пару фотографий из архива ОИКМ. Но обошлось: Овчаренко отошел, даже не сказав «так».

«Гранта» выползала из воды рывками, трос не звенел и не собирался лопаться, а провисал и снова натягивался, разбрасывая сверкающие под вечерним солнцем снопы капель, вода

шипящими лоскутами била из щелей и бурлила за стеклами, перекрывая обзор салона, но Пыхов сразу понял, что салон пуст, и направился было к водолазам договариваться о поисках вокруг погружения.

– Так, – буркнул Овчаренко, и Пыхов метнулся к нему, понимая, что чуть было не совершил какую-то ошибку.

И, пока шел, понял какую.

– Он же всех там порвет в нынешнем состоянии, – деловито сообщил он Овчаренко, будто с самого начала и собирался донести до водолазов эту мысль и приказ, коли уж образец в салоне не найден, безоружными необстрелянными средствами его не искать.

Овчаренко отвернулся к реке, выглядывая что-то на противоположном берегу. Ничего там не было видно – замусоренная полоса травы, лесок, за ним новостройки квартала «Ривьера». Пыхов кивнул и отошел, судорожно ища в телефоне хоть кого-то, похожего на боевых водолазов.

– «Кусто» прикрыли, ну и вот, – пробормотал Юсупов, шурясь от солнца.

«Кусто» был подводным беспилотником с широким спектром исследовательских задач. Проект, как и многие, закрылся после того, как у Опытного института композитных материалов отобрали оборонный заказ. «Кусто» сумел бы в двадцать минут изучить упокоенную хоть на пятидесятиметровой глубине машину, оценить степень опасности образца и сделать так, чтобы образец машину не покидал, – если надо, пригарпунив его к сиденью. А если бы образца в машине, как сейчас, не оказалось, «Кусто» обошел бы квадрат падения машины и выстроил объемную динамическую карту дна с маркировкой изменений, включая свежие повреждения, и тут же вышел бы на след. Бригаде водолазов, хоть боевых, хоть естественнонаучных, ковыряться с таким объемом работ неделю, и не факт, что справятся. Но «Кусто» больше нет, тема закрыта, а упоминания запрещены. Чтобы не разоблачать военную разработку, не мешать триумфу госкомпании, которая через год-два выкатит полученный от ОИКМ проект с рапортом «Во чего мы сделали», – ну и чтобы не отвлекаться от насущных невеселых дел.

Пыхов взглянул на Юсупова, но тот как будто ничего и не бормотал: деловито рисовал в планшете схему в помощь водолазам. Пусть рисует. Ни один уважающий себя спец чужой подсказки от стороннего дилетанта не примет, а выходить из роли дилетантов не позволено ни Юсупову, ни Пыхову, ни тем более Овчаренко.

И роль эта постоянно востребована. Вот сейчас, например.

– Что тут происходит? – негромко, но требовательно спросил возникший на краю набережной генерал – естественно, толстый, зычный и лысоватый.

Пыхов вздохнул и начал карабкаться к нему, на ходу набирая телефон Елисеева. Без его упреждающего воздействия генерал мог завестись надолго. Необходимо пресечь, а пресечь вонь такого бегемота может только цык с самого верха.

Выбраться на берег Женя решила не сразу. Некоторое время она, притопив высосанный мешок, болталась на небольшой глубине, высматривая тех, кто мог поджидать на правом берегу, гнаться с левого или следить с моста. Движение по мосту возобновилось, набережная за рекой деловито полыхала еле заметными в ярком солнечном свете всполохами спецмашин, редкие звуки сирен которых, впрочем, не достигали и середины реки. Что уж говорить о правом берегу, приемную акустику которого, наверное, дополнительно портило отсутствие набережной. Ее заменял унылый строительный и чуть более пестрый бытовой мусор, перехваченный илистыми языками.

На берегу не было никого, в отделявшей реку от новостроек диковатой аллее, так и не ставшей парком, тоже. Женя это не столько видела, сколько знала. Откуда, она раздумывать не стала, как не стала и прикидывать варианты поведения на случай ложности внезапного такого знания. Просто быстро вышла на берег и двинулась к кустам, на ходу выдернув из кучи влажного мусора драный строительный мешок.

Вот жизнь пошла, от драного мешка до драного мешка, подумала Женья, некоторое время разглядывала подванивающее пластиковое нутро. Нижний шов разошелся в достаточной для ее головы мере. Женья потрогала мокрые волосы, втянутый живот без шрама и пупка, задела торчащий от холода сосок и поежилась: озноб прочесал кожу от копчика вверх и вниз. Она уронила мешок, чуть наклонила голову, чтобы обойти взглядом корявый липовый ствол, рассмотрела обращенные к реке балконы десятиэтажки, пару раз моргнула и быстро двинулась к зданию, ступая мимо сучков, битых бутылок и кучек разной степени омерзительности.

Вскарабкаться на четвертый этаж оказалось проще, чем думала Женья, – и проще, чем нагишом идти через густые кусты под окнами. Ей даже не пришлось подтягиваться и задирать ноги, отвлекаясь на мысли о том, как нелепо и смехотворно это смотрится со стороны. Женья просто, чуть разбежавшись, запрыгнула на бетонный выступ в основании балкона первого этажа, а дальше оставалось не особо сложным образом перебирать руками и ногами.

Нужный балкон был застеклен, но форточка оказалась незапертой. Женья прошагала к ней, поднялась чуть выше, зацепилась руками за стойки карниза и, собравшись, струйкой влилась в форточку, коленями по сохнувшей на веревке простыне. Самым сложным оказалось заставить себя расцепить пальцы – в голове колотилось «Нет! Нет!!!», а черная пустота в животе снова стала очень ощутимой и норовящей сожрать нутро. Но Женья пальцы разжала, движения не сломала, лопатками за раму не зацепилась и на плетеный балконный коврик встала сразу и прочно.

Простыня не только на вид, но и на ощупь оказалась высохшей. Высохшими были и висевшие рядом трусы, футболки и трикошки, ради которых Женья и взялась за промышленную акробатику.

Женья сорвала с веревки плотные трикотажные штаны, прикинула на себе, влезла в них и удовлетворенно кивнула – чуть длинноваты, но в глаза это не бросается. Выбрала и надела не самую выпцветшую футболку, сунула в карман пару носков. Сушилась, похоже, одежда, привезенная на постирушку с дачи. Не так стыдно, подумала Женья и, подавив немедленно всколыхнувшийся стыд, влезла в толстовку.

Еще бы обувь.

Она сунулась в шкафчик у торцевой стены, пошарила в старых полусапожках, выпатила взглядом елочку плотно состыкованных кроссовок, убитых, но вроде не слишком крупных, но ухватила не за нее, а за трехлитровую банку, замызганную снаружи и мутную внутри. Женья присела, отколупнула приставшую полиэтиленовую крышку, едва не снеся горловину, без промедления сунула странно сузившуюся кисть в шершавое поверху и тут же тягуче плотное нутро банки, поняла, что не вытащит сомкнутый кулак ни в жизнь, но вытащила влегкую и так же без промедления впихнула шмат древнего засахарившегося меда в самовольно распахнувшийся рот. Чмокнула, густо глотнула, пискнула и зачерпнула снова.

Женья съела полбанки, прежде чем уговорила себя остановиться, обуться и покинуть балкон тем же маршрутом. Но перед этим она выжрала еще две горсти. И, соскакивая с балконного ребра на ребро, улыбалась пронзительной горьковатой сладости, будто раздвигающей кости черепа. Счастливо улыбалась впервые за долгие часы или даже годы.

Как лишь однажды улыбнулась Аля – когда курьер принес желтое платье.

– Огонь на поражение сразу, даже если дохлая на дне валяется, бронебойными, – сказал Пыхов.

– Чем-чем? – беззвучно и очень серьезно спросил самый молодой из водолазов и тут же осекся под взглядом капитана.

– Что у вас самое убойное? – спросил Пыхов, показывая на всякий случай, что ответ ему не нужен. – Вот этим. И вам ровно такая же рекомендация.

Он повернулся к спецназовцам. Майор, самый невысокий из них, поведя плечом, сказал:

– Без проблем. Только письменный приказ хотелось бы.

Пыхов взглянул на генерала. Тот запыхтел, но, как и рекомендовал Елисеев, удержался от любой вербальной реакции и поманил маячившего неподалеку с предельно деловым видом полковника.

– Сейчас будет, – заверил Пыхов и оглянулся на внезапно замельтешившего Юсупова.

Тот подбежал к Овчаренко и стал что-то показывать ему в планшете.

Овчаренко с полминуты изучал экран с каменным лицом, потом поднял глаза на Пыхова.

– Вот, – сказал генерал, неохотно расписываясь на листочке, выгнанном полковником из портативного принтера. – Приказ, как просили.

– Прошу прощения, – сказал Пыхов и поспешил к Овчаренко.

Генерал дернулся было в ту же сторону, торопливо убрал приказ за спину и принялся ждать, ни на кого особенно не глядя. Спецназовцы и подводные диверсанты, в свою очередь, не смотрели ни на него, ни друг на друга.

Пауза была странной и напряженной, но неловкой почему-то не казалась.

Пыхов вернулся через пару минут и сказал:

– Товарищ генерал-майор, товарищи офицеры, прошу прощения, поступили новые вводные. Подводная операция отменяется, наземная тоже. Задания считаются выполненными. Прошу вернуться к несению службы, официальное подтверждение сейчас пришлю, неофициальное тоже. Прошу ни с кем, включая сослуживцев, начальство и жен, ничего из увиденного, услышанного и додуманного сегодня не обсуждать. Начальство вам сейчас это подтвердит, надеюсь. Извините, спасибо, всего хорошего.

Пыхов убедился, что никто не возражает – даже генерал, пожевав, проглотил едва не вырвавшиеся слова и тут же облегченно отвлекся на истребление зажатого за спиной листка, – кивнул и побежал к микроавтобусу. Юсупов и Овчаренко уже расселись по местам, а Василич включил мотор.

Совещание начиналось через двенадцать минут, группе контроля к тому времени следовало не только подготовить обе точки вероятного randevu и лично закрепиться на третьей, самой вероятной, но и согласовать по дороге хотя бы в общих чертах новый план. И, может, даже присвоить ему какое-нибудь пафосное название – с непременно использованием слова «Бессмертие».

Глава пятая

Дом детских организаций

Женя сутуло брела по тротуару к дому. Изменить походку оказалось удивительно просто. Сперва немножко ныли суставы таза, но после того как Женя постучала по ним всунутыми в карманы толстовки кулаками, нытье ослабло, а затем и вовсе исчезло. Ноги ступали иначе, носком вперед, а не в сторону, а бедра как будто стали поуже. Совсем у меня крышак едет, подумала Женя и отодвинула это наблюдение как незначимое.

Ее обогнал черный микроавтобус. Такой же, как тот, что гнался за ней полчаса и полжизни. Не тот – не потому, что номер другой, просто не тот, движок поизношенней и шаровая опора справа прищептывает, – но точно такой же. Обогнал и свернул во двор Жени.

Понятно.

Пыхов сказал:

– Квартиру сразу проверьте, если следов нет, ждите. Только незаметно где-нибудь встаньте, образец же не debil. Пока ехали, ничего не засекли? Ну, я не знаю, любое подозрительное. В мужика не в мужика, но способности к маскировке мы исключать не можем. Видели же, что в магазине творила.

Он повернулся к Овчаренко, слушая трубку, и показал, что Трофимов на Точке Одиннадцать. То же отсигналил с заднего сиденья Юсупов, кто его спрашивал еще. Впрочем, протокол в Юсупова вбит сильнее соображений здравого смысла, пусть.

– Стрелять сразу, да, при первом визуальном контакте. Только не в голову. Потом сразу эвакуация, и, подчеркиваю, нежно, как живую, даже если никаких признаков жизни. Если дергается, код двадцать девять. Как?

Он включил громкую связь. Трофимов терпеливо повторил:

– Если на линии огня гражданские и вообще посторонние или там просто свидетели – бережемся или выполняем задачу?

«По обстоятельствам», хотел сказать Пыхов, но, глянув на Овчаренко, приблизил телефон к нему.

– Выполняйте, – сказал Овчаренко и отвернулся к окну.

Микроавтобус въехал на Точку Шесть.

Женя пробыла в соседнем дворе десять минут. Сидеть или стоять просто так значило быть заметной, поэтому она, не особенно торопясь, перетасила от какого-то подъезда к мусорке стопку коробок из-под еды, сложенных рядом со слишком мелкой для такого объема урной.

Микроавтобус обратно так и не проехал.

Из подъезда вышла бабка в халате, одной рукой придерживая шебутного мальчика лет пяти, другой – трехколесный велосипед с очень широкими шинами. Шины пытались уехать в одну сторону, мальчик рвался в другую. Тем не менее Женю бабка заметила и прошипела что-то насчет молодежи, которая накидывает горы мусора у подъезда, а прибирает за собой только вечером, а людям весь день мимо грязи ходить.

Женя потупилась, виновато улынувшись и постаравшись не пробормотать, что к поискам медвежьей лежки в летнее время следует относиться с особой осторожностью.

Бабка проволокла свою ношу к асфальтированным дорожкам в середине двора, там воссоединила мальчика с велосипедом и отправила на ближнюю орбиту, а сама присоседилась к паре бабок, пасших внучат помладше, и принялась оживленно что-то осуждать. Наверное, молодежь, грязь и ходящих мимо людей.

Женя подхватила последнюю картонную стопу и очень неторопливо пошла к мусорке. Перед глазами возникла девочка в желтом. Девочка отъехала в сторону, скверно нарисованный на стене за ее спиной Чебурашка стал виден четче, быстро несколько раз поменял форму ручек-ножек и побледнел, чтобы наглядней стала стена вокруг – оттенок краски, высота потолка, плинтус, покрашенный поверху выключатель. Женя положила мусор в контейнер для перерабатываемых отходов и замерла, нахохлившись. Перед глазами мелькали стены, выключатели, артикулы краски, утвержденные проекты образовательных и лечебных учреждений, лоты торгов на поставку товаров для муниципальных и федеральных ведомств.

– Рома, далеко не уезжай! – крикнула бабка внуку.

Рома не обратил на ее слова внимания, как бабка и ее собеседницы не обращали внимания на свечение кармана бабкиного халата: экран ее телефона, на котором мелькали типовые проекты зданий, перечни поставок для госнужд и галереи выключателей, просвечивал сквозь голубые цветочки на тонком ситце.

Последней на экране загорелась панорама «Яндекс. Карт» с трехэтажным зданием неласково казенного вида. Кадр заполнила табличка «Муниципальное учреждение “Дом детских организаций”», и карман погас. Батарейка телефона иссякла: бабка, по всему, не пользовалась интернетом совсем, потому заряжала аппарат нечасто.

Женя моргнула и на миг активировала телефон в кармане бабкиной подружки. У той модель была постарее и помедленнее, но навигацию построить позволила.

Женя, сунув руки в карманы, послушала происходящее вокруг и убедилась, что микроавтобус по-прежнему стоит в ее дворе за трансформаторной будкой и что аудиосистема в салоне по-прежнему воспроизводит с водительского смартфона подкаст про медвежью охоту. Женя поправила плечом капюшон и пошла со двора, бормоча: «Если стреляешь – стреляй наверняка, потому что убежать от раненого медведя уже не успеешь».

– Вы помните, что служба контроля активно и последовательно выступала за ликвидацию последнего опытного образца, – сказал Пыхов веско.

Никитин заворочался на месте, явно собираясь резко, как всегда, возразить, но сил у него не нашлось, и он, обозначив взмах рукой, застыл бледным лицом в экран. Овчаренко уставился на него, двинул челюстью и вывел на общий экран данные прицепленного к Никитину диагност. Никитин показал, что возмущен, но и теперь говорить ничего не стал.

– Сергей Викторович, если в больнице вас не удержат, вы лягте хотя бы, что ли, – предложил Рыбаков, на удивление внимательно рассмотревший показания. – Вы нам живой полезней.

Никитин мотнул головой, не отрываясь от той части экрана, на которой застыла фотография образца в исходном варианте. Она снова развернулась во всю высоту, и Пыхов продолжил:

– Мы настаивали на ликвидации по завершении предусмотренного комплекса испытаний. Нас не послушали, образец подвергся трансформации и новым, принципиально иным и не предусмотренным никакими программами испытаниям. Результаты всем известны.

На экране появился образец-два – первый его снимок из дела, где он еще щекастый, по-смешному свирепый и в желтом платье, на покупку и доставку которого с карточки Рыбакова, как позже выяснилось, ушла треть оклада. Оклад составлял лишь часть зарплаты, но все равно был немаленьким. Пыхову бы хватило на полгода. Впрочем, ему и стоимости платья на полгода хватило бы. И если бы у него стырили такие деньги, он бы стырившего лично пропустил через шредер.

– Наши рекомендации были проигнорированы даже после появления образца неустановленной природы, неофициально называемого Лилит, – сказал Пыхов, глядя на окошко с Рыбаковым и зная, что Овчаренко смотрит туда же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.